

АФЕРИСТЪ

Автор:
Евгений Аверин

16+

Евгений Аверин

Аферистъ

«Автор»

2021

Аверин Е.

Аферистъ / Е. Аверин — «Автор», 2021

Опальный оперативник на пенсии попадает на двести лет назад. После череды приключений он понимает, что каждый из нас творит свой мир или живет в чужом. В любое время и в любом месте. Теперь его задача не упустить свой шанс. Правда, реальность оказалась не такой, как в учили в школе.

© Аверин Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Аверин

Аферистъ

Глава 1

Поиск увлекает независимо от того, чем ты раньше занимался. Раз, и ты уже разбираешься в монетах, знаешь, где были старинные деревни и выделяешь перспективный лесок, который раньше был полем. А еще это хобби стало для меня единственным спасением от депрессии.

Всегда кажется, что раз так хочешь, то так и будет. Но оказывается, что за работой не увидел людей. Или сам изменился на этой работе до такой степени, что близкие люди таковым тебя уже не считают. Искать причины – дело неблагоприятное.

Холостяцкая жизнь не так страшна, даже наоборот. А вот потерю тыла и предательство я переживал долго и сильно. Жена решила, что вся жизнь впереди. Точнее, ее психолог так решил и убедил ее. Что ж так не везет? Второй брак распался. Все вертишь в голове, как бы надо. Да уже поздно. Все началось с проблем по службе.

За свою карьеру мне довелось послужить в разных структурах. Кроме ФСБ. И пытливый ум нигде не давал покоя. Вот прямо талант находить проблемы на ровном месте. Даже по линиям и темам, которые считаются бесперспективными и похоронены в томах отписок. Мне специально такие поручали в надежде, что теперь я успокоюсь. Но не тут-то было: мне же интересно.

Наработалась своя схема. Сначала я вникал в законодательство, находил дыры, разногласия и положения, которым мало кто придавал значение. Все это рисовалось в справку, в которой отображались предполагаемые линии нападения. Создавалось юридическое ноу-хау. А потом вникал в атмосферу темы. Она своя у каждой тусовки. Ветеринары обсуждают наркотики, наркоманы – способы приготовления дури, черные копатели обсуждали поисковое оборудование и места копа. Вот я и читал ночами форумы, искал специалистов для консультаций, собирал любые крупинки информации. Получалась целостная картина, в которой сразу видны нестыковки с законом. Тогда я находил самое слабое место и нападал.

Но далеко не всегда. Это вначале, когда молодой и резвый, рвешь все, что попадет. А сейчас нет. И не только лень следяков и прокурорских – юридической сволочи, как называл их Ленин, тому причиной.

Когда таким образом изучаешь все аспекты и видишь суть, то начинаешь понимать, что закон во многих случаях-это просто большое «нельзя», поставленное неизвестно чьей волей и зачем. И никакой опасности его нарушение простому народу не принесет. И даже наоборот. Много где, чтобы получить пользу для людей, без нарушения не обойтись. К тому же, не видел я ни одного бизнеса, который бы жил по закону и выжил.

Если во всем такой закон соблюдать, то становишься воплощением зла, идущего от государства. К сожалению, страдаешь от этого сам, как личность. Твое «Я» ломается. И на такую профессиональную деформацию я оказался не готов.

А посему стал сам решать, кто виноват, а кто нет. Если наркота – явное зло, то компромиссов быть не может. А вот анаболики для качков – дело несколько другое. Никто же не говорит: «Ой, у меня один знакомый на качалку подсел. Так весь и скачался. Прямо у школы посадили. Дали пару таблеток метана и две гантели, и пропал человек. А потом декой кольнул пару раз, и все». Здоровье, конечно, портит неразумное применение стероидов. Но курево с бухлом намного хуже, а их никто под уголовку не подводит. Или лекарства ввозить из-за границы с вышедшим сроком годности, а потом как новые фасовать – очень плохо. Заметили,

что во рту таблетки стали разваливаться и желтые по цвету, хотя раньше белые продавались? Теперь знаете, почему. Но их никто не наказывает, потому что там большие деньги и политика. А вот если бабка зверобой у магазина продает – нельзя. Что нормальному человеку делать? Только самому определять, кто виноват.

На последнем месте, в таможне, я вел линию контрабанды культурных ценностей и иже с ними. Где в центральном регионе границу возьмешь? И контрабандистов? Поэтому линия эта считалась тухлой.

У меня ушло полгода чтобы вникнуть в ситуацию. Помимо прочего, познакомился с несколькими владельцами антикварных магазинов и одним продавцом металлодетекторов. Конечно, все это легендировано. Кто же со мной при моей должности официально разговаривать будет? Представлялся по-разному, аккуратно выспрашивал. Нашел единомышленников и сам стал выбираться на поиск. Сложилась компания, которую я оберегал.

Пришлось раскрыться. Но никто не отвернулся. Ничего плохого с точки зрения здравого смысла они не делали. Строители или колхозники не шадят никаких культурных слоев. Обычное государственное «Нельзя». И мы его обходили, как могли.

Нашли много чего интересного. Нам даже попало захоронение викинга. Мне досталось несколько украшений. С ними я и подкатил к скупщикам. Ко мне появился интерес. И я внедрил. Что такое внедрение? По-простому, это когда сотрудник выдает себя за кого-то другого в нужной компании с целью получения различной информации. Штирлиц, как классический пример долгосрочного внедрения. И проверочная закупка, проводимая агентом или сотрудником, как пример краткосрочного.

Внедрение – не единственный способ. Оперативно-розыскных мероприятий в законе прописано пятнадцать. И все они используются по полной программе.

Через год я вышел на закрытую программу учета и присвоения икон. Кто-то наверху продумывал, как все старинные иконы забрать из храмов, под видом необходимости тщательного хранения и контроля народного достояния. Не надо мне про это было знать. Меня вызвал начальник и сказал, что про темы, на которые я вышел, лучше забыть. Старшие товарищи, как именуют ФСБ, очень недовольны. Кстати, раньше я никогда не задумывался, почему такая отвлеченная статья, как незаконное занятие археологией курируется ими. Сроки маленькие, дела плевые, причем тут безопасность государства? Однако же, именно они этим занимаются.

Не послушал я намеки руководства. Как охотничьей собаке на гону остановиться? Вот же она, тема глобальной контрабанды. Настоящая! И получил.

На экстренно приехавшей проверке нашли косяки с секретными документами и завели уголовное дело. Пока без установленного лица. Но этого достаточно, чтобы пнуть на пенсию. Хорошо еще, что она уже была.

А потом я остался один. Сын недавно женился, и они с женой уехали в Китай, хорошая работа – что-то с туристическим бизнесом связано.

Мне остался «Гарет» и кое-какие связи. Из тех, кого я отпустил, хотя мог поймать и даже предупредил. И они остались благодарны.

Сегодня я пошел к Чудику. Так я его назвал. У него небольшой бизнес. Держит магазинчик со всякими полезными товарами для выживальщиков. И то, не сам, а его подручные по походам. Он давно зазывал в гости, как узнал, что меня уволили. Но я надеялся справиться сам. Загрузился спортом. Тренировки помогали какое-то время. Но причина не ушла, депрессия свое взяла. Теперь либо на дно бутылки, а потом в петлю, либо сразу в петлю, чтоб не мучиться.

Так бывает, когда ты всю жизнь сильный, в боях и ранах. А потом оказывается, что ты был просто стеной для престижа, обеспечения, защиты от жизненных бурь. А теперь, когда перспектива только в «Магнит» охранником, можно обойтись и без тебя.

Про охранника я сам жене сказал. Для проверки. А она взяла и поверила. Конечно, оно и к лучшему. Глаза открылись. Но цена таким открытиям очень велика. Осталось состояние, когда уже все равно, что и куда. Ничего не страшно, потому что хуже не будет.

Я созвонился и поехал. Уютный июньский вечер наполнялся музыкой, гудками авто, смехом молодежи. Свою машину я продал, чтоб было на что жить после развода. Суда еще не было, но в исходе я не сомневался. Квартиру делить не буду. Придется снимать. А лучше всего уехать в деревню, в далекую-предалекую, чтоб никто не добрался. И делать все, что душе угодно. Друзей приглашу, будем поля прочесывать. В среднем, хабара хватает, чтоб одному человеку нормально прожить.

Чудик – мужичок шестидесяти лет, борода заплетена в косичку. Меня проводили к нему в подсобку. Он поднялся навстречу. Небольшой животик его прикрывала полосатая рубашка на выпуск, а сверху кожаная жилетка. На голове круглая шапочка, как у китайцев.

– Привет! – Улыбаюсь я, – вот решил зайти, а то давно не виделись. Да и подскажешь чего-нибудь. Мои дела сам знаешь, сейчас в каком состоянии.

– Проходи, садись, чай пить будем. А что до дел, то они всегда одинаковы. От состояния ума зависят. Что в голове – то и в делах.

Он взял пузатый глиняный чайник и разлил парящую янтарную жидкость в пиалы.

– Вот, не совсем, – возразил я, – раньше таких последствий не было. По молодости разве неудачи так переносились? Да наплевать. Упал – встал, отряхнулся, заново начну, и вся недолга. А тут прибило, как гвоздями.

– Сил нет?

– Физические силы есть, руки двигаются, ноги ходят. А делать ничего не могу. И ничего не хочу.

– Значит, не то делаешь.

– Раньше все мог. И то, и не то.

– Ну, раньше и пломбир был вкуснее. Знаешь анекдот? – Он не дождался моего ответа, – дед пришел к урологу. Вот, говорит, до чего власть довела – у меня потенция пропала. Врач ему – причем здесь власть? А тот отвечает, мол, не знаю, не знаю, при Брежневке такой фигни не было.

– Ну, правда же, не было!

Мы оба смеемся.

– Я тебя и сам хотел видеть, только ждал, когда созреешь, – Чудик стал серьезным.

– Тема есть?

– Есть. Не знаю, как быстро согласишься, но что тебя заинтересует, уверен.

– Излагай.

– Копали мы тут одно место. Склеп, короче.

– Ты докатился! – Перебиваю я.

– Подожди. Там с легендой дело. Началось с того, что дневники нашли в старом доме при ремонте. Да ты знаешь, в центре он, я его откупил. Стену поломали, а там комнатка скрытая. Ценного мало. Две шпаги, револьвер, шашка, сервиз фарфоровый и переписка. Барахло ребятам на разживу отдал, а бумаги сам разобрал.

– И там пиратская карта?

– Там указание на поместье. Точнее, на место, где оно раньше стояло. От зданий ничего не осталось.

– Это где?

– У нас. Недалеко тут. Название романтическое – урочище Ангелов. Про ценности и раньше слухи ходили. После революции от усадьбы камня на камне не оставили. Буквально. И вокруг перерыли. Искали несколько десятилетий. Кто про сокровища несметные говорил, кто действительно про карту. Но так ничего и не нашли. Пруд большой остался и аллея из древних

лип. Толстые, в три обхвата. И мы бы не нашли, если бы не дневники. Заклад под одной из лип оказался. Там тоже бумаги. Но уже конкретные.

– Если все нашли, то я зачем?

– Идем ближе к теме. В бумагах ссылка на склеп. Нашли и его. В километре от урочища.

– Много подняли?

– Ничего не взяли. Тут в другом дело. В послании написано о возможности омоложения.

– Ух ты! Судя по твоему виду, вранье.

– Да, добровольцы сразу нашлись. И я тоже пробовал. Но там несколько условий. Все в стихотворной форме, все так мутно. Понятно, что нужно встать на ступени. Каждая ступень вниз – минус десять лет в возрасте. Сам понимаешь, всех подряд не пошлешь. С годами подгадывать надо. Хотя молодежь тоже попробовала. Даже возникли версии, что не сразу сработает, подождать надо.

– Много ступеней?

– Десять. Оно и понятно, больше вряд ли потребуется.

– Значит, фигня?

– Там еще условие есть. Человек должен в отчаянии быть. А мы все весьма довольные по жизни. Мелкие неприятности не в счет. Я как не напускал грусть и печаль на себя, ничего не получилось.

– А я, значит, в самой кондиции?

– Думаю, что да. Ты сейчас от дел отошел. Совсем прежней работы не касаешься и не в курсе. А у меня источники там есть. И я получили информацию, что сейчас ваши старые дела втихую копают. Народ опрашивают. И про тебя в том числе.

– Вот, суки! Чего еще им надо-то?

– Компромат ищут, хотят, чтоб ты исчез. Уж сильно не туда влез, друг ты мой сердечный. Не убили пока и радуйся. Но не думай, что в покое оставят. Операм задание дали, будут работать. Да и силу им показать надо, чтоб другим неповадно было.

– Хорошо, что я раньше этого не знал, – подумал я о своем и плохом.

– Хорошо, – согласился Чудик, – там еще третье условие, но мне оно непонятно.

– Так ты что, поверил во все это?

– Пока еще нет. Но я же практик. Надо сделать все по правилам, а потом уже обсуждать. Требование – полнолуние. Как раз завтра, ты удачно зашел. С меня шашлыки.

– Ночью комары не сожрут?

– Вот, кстати, комаров там нет. Рядом гудят, а туда не подлетают. Тоже странность. Чего бы халявных шашлыков не поесть?

– Договорились. Завтра к десяти вечера подъеду.

– К девяти лучше, чтоб запас по времени был. Позавтракать с утра спокойно не удалось.

Позвонил бывший коллега.

– Привет, Андрюха, слышал?

– Еще нет. Удиви.

– Ватруху прихватили.

Я замолчал. Востряков был одним из лучших оперов. Ушел на пенсию три года назад и устроился в очень хорошее место. За какие такие заслуги с ним так?

– За что, не знаешь?

– Не-а. Все в шоке. Он с тобой вместе работал. Я думал, может, ты в курсе.

– Два месяца не видел его. Он же всегда аккуратный. Что на него можно накопать?

– Накопать на всех можно. Значит, не в курсе?

– Нет. Узнаешь что, позвони.

– Обязательно.

По интонации я понял, что не позвонит. И что знает больше, чем говорит.

Война войной, а еда едой. Я пожарил яичницу из пяти яиц. Заварил зеленый чай. Но ем без удовольствия. Мысли по неволе сбиваются на коллегу. И не только мысли. У каждого рабочего опера есть чуйка. Сейчас она просто орет: «Вали, куда глаза глядят». «Пойду, прогуляюсь», – говорю сам себе.

В карман сунул наличку, какая осталась. Чуть больше десяти тысяч. Еще на карте тысяч пять. Из телефона вынул аккумулятор. Чтобы не установили местонахождение. Звонить мне никуда не надо, о встрече договорено. Если просто отключить, то это не поможет. Больше ничего не брал. Прихватил пакеты с мусором. Набралось много.

Около помойки потрошил бачки бомж. Со мной вежливо поздоровался. Попросил закурить. Но я не курю. Бомж философски пожал плечами. Я достал сотню.

– Купи себе.

– Благодарю, – коричневая от загара рука взяла бумажку, – могу за пивом сбегать.

– Не надо пива, – я достал пятихатку, – себе купи, а мне шоколадку. Только хорошую. Ридерспорт или бабаевскую.

Бомж растворился. Я сел на поребрик. Что это со мной? Взбудоражился ни с того ни с чего. Ватруха со мной дел особых не имел, всегда сам по себе. Вот и намудрил где-то. Срок давности для тяжких преступлений десять лет. Вполне еще попадает. Но мне какое дело? За мной ничего смертельного нет. Нервы все. Вот, и глупости делать начал. Бомжу шестьсот рублей ушло. Хотя жалеть о добре нельзя.

Бомж появился с пакетом. Протянул мне плитку «Вдохновения».

– Приношу извинения, другого приличного не было. А этот по скидке. Может, все-таки пивка?

– Ты пей, я свое поем.

Маленькие брусочки в фольге. Хороший шоколад. Бомж зажмурился и пьет из полторашки. Крякнул и открыл сухарики. Предложил мне, я отказался. Дожил, сижу с бомжами у баков, кушаю. Увидит кто знакомый, позору не оберешься.

Хотя, чего я боюсь? Такое уже было. Когда по молодости внедрялся за фальшивой водкой. Меня одели, как этого бомжа, нарисовали синяк алюминиевой ложкой под глазом, я еще не брился для этого три дня. Дали сетку с банками смятыми. Иду к ларьку, а тут, как нарочно, навстречу бывшая. Увидала меня и давай: «Казаков! Вот так я и знала, что этим кончится. Вот до чего ты докатился. Посмотри на себя. А я знала, что так все и будет». Ребята угорали в засаде, а мне не до смеха. Только пожимал плечами: «Так вот все повернулось. Есть сотка?» Получил даже две. Наверное, за доставленное удовольствие.

Я встал. Только хотел пожелать удачи бомжу, как мое внимание привлек белый «Соболь», который лихо тормознул возле дома. Из него выскочили черные фигуры и скрылись в моем подъезде.

Я сел обратно. «За тобой что ли», – поинтересовался бомж. Я кивнул. «Тогда не светись на хате. По-любому будут пасти. Лучше на природе где-нибудь. Там и видно далеко, и народу мало».

Трудно не согласиться с умным человеком.

– Кто их знает? Всегда надеешься на лучшее. – Я достал еще пятихатку, – посмотришь, что и как? Сейчас одиннадцать. Часа в три я подойду.

Бомж согласился. А я под прикрытием бачков шмыгнул за кусты. Теперь нужно снять деньги. Никаких следов оставлять нельзя. Сейчас активность увидят, подумают, что в магазин пошел. Будут ждать.

В «Магните» банкомат отсчитал деньги. Я тут же ушел. В кафе сидеть не вариант. Там камеры. И интернет. Нам таких возможностей не предоставляли, но у чекистов запросто. Так что могут вычислить.

Я принял совет нежданного помощника и расположился на скамье в парке. За четыре часа все передумал. От сдачи на милость победителей до бегства сначала на Украину, потом в Европу, от собственной излишней мнительности и даже глупости до крайностей в виде киллера из отдела ликвидаций. Спросил время у проходящей женщины и вышел тихонько обратно.

Бомж спал на некошеном газоне между кустами и мусорными баками. Рядом валялись две пустые полтарашки и пакетик недоеденных орешков. Ладно, сам посмотрю.

– Не ходи, – окликнул меня бомж трезвым голосом, – стоит «Волга» у гаража. Там те же. Из «Соболя» пересели.

– Я думал, ты вдрыбадан.

– Выпил, конечно. Но дело знаю.

– А если еще попрошу помочь? – достал я пятихатку.

– Смотря что, – осторожничает бомж.

– Отойдешь отсюда к трассе и вставишь аккумулятор в телефон. Звонить не надо. Очень классно будет, если закинешь его в грузовик.

– Не вопрос, чего не помочь хорошему человеку. А давай продадим?

– Не надо. Словят. Зачем тебе проблемы?

Бомж не спеша поднялся. Телефон скрылся в кармане драного пиджака. Я выглянул из-за бачков. Возле гаража стояла тонированная серая «Волга». Теперь и время не посмотришь. Минут через пятнадцать машина газанула и скрылась. А я отправился в город.

Только тогда замечаешь камеры, когда есть для этого повод. Сколько же их много! У дверей магазинов и кафешек, просто так, на углах улиц, на перекрестках, светофорах и переходах, в автобусах и маршрутках. Ни шагу без контроля. Поэтому первым делом я купил у остановки крупные очки и бейсболку.

В центре сразу прошел к Чудику.

– Ты что-то рано.

– Подумал, а может, сразу на шашлыки? А то есть охота.

– Хорошо, что приехал. Я тебя забыл предупредить, а у тебя телефон не абонент. Ты много ел сегодня?

– Яичницу и чай. А что?

– Надо на легкий желудок. Так что потерпи, пожалуйста. Потом с меня поляна.

– А пить можно?

– Чай заварим. А что с телефоном?

– Потерял.

– Дааа? Понятно. Поэтому и пришел рано. Ладно, сиди здесь, смотри книжки, в комп не лезь и даже не подходи.

В девять вечера мы стартовали. Машина у Чудика – крузак. За нами боевого вида «форанер» с тремя ребятами. Через час свернули на проселок. Еще через полчаса встали. Дальше пешком по полям и перелескам. В одиннадцать мы стояли возле зарослей с утоптанной к ним тропой.

– По нашему времени через полчаса начнем. Примерно полтора часа у нас будет.

– Мне все это время в склепе надо быть?

– Поэкспериментируем, – неопределенно ответил Чудик, – есть еще одно обстоятельство. Тебе надо туда голым. Не бойся. Я отвечаю, что ничего с тобой не случится.

Мы посмотрели склеп – тяжелая плита на метровом основании.

– Под ним лестница, потом площадка с аркой. А за аркой ступени. Дальше стена. Ты встанешь, куда хочешь. Мы плиту задвинем. Только не двигайся для чистоты опыта.

– Как-то не по себе. Ты меня правильно пойми. Человек ты хороший, но тут ночь, вас четверо, я голый в склепе, и вы меня еще плитой прикроете.

– Хочешь, поедем обратно?

– Вот не хочу.

– Я тебя понимаю. Уже думал над этим вопросом. Обсудим все после. И еще, там ступени и посреди них ребра или выступы, как хочешь назови. Они тоже имеют какое-то значение. Ты сначала не переступай. То есть, встанешь на третью ступень, а за тобой будет два выступа.

– Да понял я. А когда вставать за него?

– Дадим команду. Сам ничего не предпринимай. Я разделся. Комаров действительно не было. Они вчетвером еле сдвинули плиту. Открылся черный проем с лестницей. Мне светили фонариками. Я спустился вниз метров на пять. Глаза привыкли. Я стоял на площадке. Впереди увидел арку чуть выше роста человека. Камень украшала резьба в виде непонятных и страшных животных, растений и людей.

Переступил, и ноги ощутили другой камень. Он гладкий, даже скользкий, а не шершавый, как плитки площадки. Шагнул на три ступени. Мне сейчас сорок три. Никто не будет искать двадцатитрехлетнего парня. Хоть помечтаю. А потом поем.

– Стоишь? – Раздалось сверху.

– Стою. На третьей. Посреди ступеньки продольный каменный жгут, я перед ним встал.

– Все. Закрываем на пятнадцать минут.

Плита заскрежетала, и свет погас.

«Мне ее одному не поднять, – подумал я, – в склепе еще быть не приходилось. А если они не откроют? И не слышно ни звука». Темнота стусилась. Пятнадцать минут, по моим ощущениям, прошли. Вдруг ошибаюсь? Посчитал секунды. Еще пятнадцать минут. Не открывают. Пошел к лестнице. Слякоть под ногами. Когда натекла?

– Эй, парни, хорош уже. Я замерз, открывайте!

Лестницы не было. Я орал благим матом. Перебрал все угрозы, какие смог вспомнить и даже выдумал несколько новых. Очень холодно. Руки и ноги потеряли чувствительность. Я уперся в стену, которая тоже оказалась мокрой и какой-то гнилой. Мне даже удалось подняться на метр. Но ступня скользнула и я упал навзничь. В глазах замелькали вспышки. Еще убиться не хватало. Потрогал затылок. Руке мокро и тепло.

Вдруг наверху раздался шорох.

– Эй, вашу так разэтак. Открывай трам-тарарам, – не жалел я горла.

В глаза мне ударил дневной свет.

Глава 2

– Ироды! Изгаляются над человеком. Креста на них нет, – какой-то дед совал мне свежесрубленный березовый шест.

Глаза резало. Но я заметил, что стены гнилые и деревянные. Что за фокусы?

Я напрягся, чтобы подтянуться, но это получилось неожиданно легко.

– Здравствуйте. Спасибо Вам, а то я уже отчаялся.

– Господь милостив. Меня послал. Я тутычки коров пасу. Это вас, барин, разбойные люди так оприходовали?

– Еще какие разбойные. Так я, получается, всю ночь и утро просидел? А показалось полчаса.

– Это потому, что в беспамятстве были. Шандарахнули дубиной. Вон затылок весь разбили.

– Ответят за затылок. Тут моя одежда нигде не валяется?

– Так чего ж ей валяться? Забрали все подчистую. Это Елизаровские шалят, как есть они.

– Елизаровские, братья, что ли?

– И братья, и дядья их, и отцы с дедами. Все Елизарово испокон веку разбойничает. Сюда только не ходили, вроде как рядом. Остерегались. Да вишь, как оно. Вы пришлый. Они и позарились, значит.

– А вы кто?

– Ефим. Пастух мирской. Пастушонок еще со мной.

– Машины не слышали, не видали?

– Отродясь не было. Разве только господу привезли? Да я бы знал. У нас только мельница у омута.

Глаза мои привыкли к свету, цветные пятна прошли. Я увидел, что старик босой, в штанах и рубахе грубого полотна. С прорехами на локтях. Подпоясан веревочкой, однако в берестяных ножнах торчит деревянная рукоять.

– Мне бы в Меряславль как попасть.

– Так сразу не попадете. Да и образ у вас не подходящий. И горячка может сделаться от шишки. Полежать надобно. У нас тетка Барвиха травами пользует, сродница моя. И живет, как раз за деревней. К ней сейчас Николку пошлю. Заодно попросит, чем страм прикрыть.

Мы прошли метров двести. За ольшанником на поле лежало стадо разномастных коров.

– Николка, – крикнул дед.

Мальчишка лет десяти вскочил с лежки в тени и испуганно уставился на меня.

– Вишь, лихие люди барина попортили. Беги к Барвихе, обскажи все, как есть. Мол, догола раздели да ошеломили в кровь. Пусть штаны с рубахой сышет. Как оденется, чичас и придем.

– Ефим, прошу прощения, вы почему меня барином зовете?

– А кто? Вы хоть и молодой, да видно по всему. А наперед по рукам. Крестьянские то другие.

– А я молодой?

– Уж известно, не старый. Мню, лет двадцать, много двадцать пять будет.

– Зеркало есть у Барвихи?

– Почто не верите? У меня глаз наметан. Любой скажет. Волос черен, кожа гладкая, зубы целые.

Я провел языком. Все зубы на месте. Пломб тоже нет. Они у меня от природы были хорошие. Первую пломбу в двадцать лет поставил. В армии. Погрузил руки в волосы. Глянул вниз. Пузика нет. Никакого.

Так что, получилось? Быть того не может. Тогда где я?

– Ефим, скажите, а где я сейчас нахожусь. А то я от удара память потерял.

– В Меряславской губернии, Улеймской уезд. Усадьба в Чудинове. Господ Тростянский поместье. А деревня рядом – Лыткино.

– Дедушка, а год какой сейчас?

– Одна тысяча восемьсот двадцатый от Рождества Христова.

– Хорошая шутка. И шмотки как раз в стиль.

– Господа любят шутковать, а нам несподручно. Имеешь сомнения, так в Елкине церква. У попа спроси. Он службы служит да кажинный день в книгу пишет, кого крестил, кого венчал, кого отпел. Так точно знает все дни и праздники. Ему без того никак.

– Извини. В себя еще не пришел.

– Барвиха приведет. Вон и Николка бежит.

Мальчик принес штаны и рубаху. Очень старые, но бережно заштопанные и, очевидно, хранимые про запас. Ефим оставил его со стадом, а меня повел в Лыткино. Действительно, недалеко, около километра.

По дороге я прислушивался очень тщательно, но ни шума поездов, ни машин не слышать. Самолетов тоже не видать, ни их следов.

Деревня из четырех домов, окружена забором без штакетника. Просто жерди и столбы.

На отшибе старый дом, крытый дранкой. Трубы не видно. У сильно покосившегося крыльца стоит женщина в белом платке, повязанном назад. Я представлял старуху-колдунью, а этой лет сорок. Крепкая, невысокая, но и не толстая. Взгляд острый, внимательный. Загорелое лицо.

– Здравствуйте, – приветствую я.

– Доброго здоровьичка. Тебя, что ль, поколотили?

– Меня, – не стал я отпираться, – ничего не помню и думаю туго. Даже себя не узнаю.

– Ничо, заходи.

В доме нет ни малейших следов краски или побелки. Даже наоборот, стены черные. Печь сложена из самодельного красного кирпича и камней. Обмазана глиной и тоже закопченная. Топится по-черному? Я такого и не видал никогда. Говорят, есть плюсы: насекомых и заразу легче победить, воздух сухой, тепло дольше держится. А минусы и так видно.

Меня уложили на лавку. Помяли живот, руки, ноги, ощупали голову.

– Ничо. Поживешь еще, – поставила диагноз Барвиха.

– Дедушка Ефим, а кто сейчас правитель?

– Божьей милостью, император Александр Павлович.

– А тебя самого как кличут? – Спросила Барвиха.

– Андрей, но это не точно.

Первым делом Барвиха меня напоила каким-то горьким отваром. И есть не велела. При этом каждые полчаса внимательно меня оглядывала. К вечеру успокоилась.

– Может, обойдется. Шишка знатная только. Память не вернулась?

– Не так, как хотелось бы.

– С речи не сбился. И остальное наладится.

На ужин была окрошка. Мелко рубленая сныть, щавель, толченая крапива, очень много зеленого лука. Причем, крапива самая питательная из них. Зелень заливается белым кислым квасом из хлеба. Ложка растительного масла. И то, как я понял, ради гостя. Все. Соли нет. Зато есть по куску хлеба. Теперь понятно выражение «Ты мой хлеб ешь». Это единственная реально питательная еда. И он вкусный. Очень. Как любой настоящий продукт, его хочется все больше. Барвиха объяснила, что печет без добавки лебеды. Так хоть и накладно, зато потом живот не пучит.

Едим втроем. Сначала помолились на закопченные образа в углу, потом устроились за столом. Ефим дал отмашку. По очереди из большой лохани таскаем деревянными ложками еду. Стараюсь приспособиться. Они серьезны и молчаливы. Я тоже. К концу трапезы начался разговор. Слушаю, вникаю. Николку кормят в другом доме. Пастухи питаются по избам. Каждый день в другой. И так по кругу у всех, кто коров своих стоняет. Ефим остался с нами. Он родственник Барвихе по ее умершему мужу. Но все же Ефим повелел подпаску завернуть, что для него причитается, в тряпицу и отдельно схоронить. Сухой паек, так сказать.

После ужина вновь помолились. Меня определили спать на лавке вдоль стены.

– Простите, а звать как Вас? – спросил я знахарку.

– Домной крестили.

– Домна, а где здесь полиция? Меня как-то надо определять. На вашем хлебе сидеть стыдно.

– Пока болящий, не стыдно. Коли себя не помнишь, значит, как дитя малое. Не обеднеем на крапиву-то. Хочешь, так можешь Ефиму пойти в помощь, а хочешь – мне.

– Чем?

– По огороду, по дому. Дела найдутся. Ты к крестьянскому труду не привычен. Уж не обессудь, что сможешь, то и делай. Воды наносить, тоже польза.

– А полиция в городе. – Ефим забрал бороду в кулак, – они нас не касаются, мы -их. Так и живем. У нас даже в рекруты с дальних деревень не забривают. Не доезжают. А в усадьбе बारे сами решают.

– Поэтому и разбойников развелось, что наказать некому, – хмурюсь я.

– Шалят, стервецы. А у нас брать нечего.

– Почему вся деревня преступники?

– Так там все родственники. Так уж повелось. Лет двести озоруют. Так у всех свое занятие. Кто чем промышляет. Одни деревни пиво ставят и брагу, другие огурцы растят, третьи ложки режут и игрушки всякие, – просветил меня Ефим.

– А что господа?

– У господ своя жизнь, у мира своя. Прикажут рекрута выделить, или деньгу дополнительную собрать, сделают. А в дела мирские они не суются. Оброк им идет, подушное, на барщину отряжают и ладно. А мирским хочь воруй, хочь детей продай, хочь так обойдись, а деньгу сыщи. Не все с таким согласны.

– Тетя Домна, вы меня лечить будете?

– Попробую маленько. Только не здесь. Завтра с огородом управимся и пойдем. Я в лесу живу. Если с Ефимом не останешься, конечно.

– Я лучше с Вами, мне как раз в тихом месте в себя прийти надо и обдумать много чего. Я ягоды собирать умею.

– Там без тебя есть кому, – сощурилась Домна, – девка со мной живет, племянница моя. Сиротой осталась. Ежели спортишь, не прощу. Так и знай.

– Не испорчу. Если хотите, на чердаке спать буду, или на сеновале.

– Посмотрим. Ее еще забрать надо. Гостюет у кумы. Чует мое сердце, по-быстрей.

– Заберем, – киваю я.

– А вот тебе там делать нечего. Пока никто не видит – все хорошо. А из дворни кто приметит, сразу интерес появится. Ты парень видный, в рекруты самое дело. Заместо своего родственника каждый замену хочет.

– А так разве можно, как барана в стадо? В армию разве не отбирают?

– Если себя не помнишь, не просто можно, а лакомый кусок. От рекрутчины чтобы отбиться и тысячу отдают.

– Можно и за семьсот рублей сговориться, – вставил Ефим.

– Это много?

– Избу маленькую поставить в сто рублей обойдется. А в солдаты отбирать, дело не хитрое. Барину скидывают грамотку, сколько людей предоставить, а он уж миру велит. На сходе решают, от какого двора послать. На двадцать пять лет, считай навсегда. Да еще война с туркой или немцем. Убьют.

– И не бегут?

– Раз мир порешил, значит, как в жертву определил. Себе уже не принадлежит человек, государев теперича, раз забрили. У нас не бегут. А вот народу по лесам всякого скрывается.

– И я теперь буду?

– Недолго проплутаешь. Гадала я на тебя, чтоб знал. А то, думаешь, Ефим тебя со старого колодцу достал от безделья? Третий день там ходил.

– И был тот день – последний, – сказал Ефим, – не нашел бы, больше на ту луговину коров не погнал. Только ума не приложу, как тебя тати туда пихнули? Я следов так и не нашел.

– Так и пихнули, – зыркнула на него Домна, – ты меньше языком чеши. Не просто с тобой, паренек, да только всего не обскажешь.

– В лесу наговоримся. Идти далеко?

– Да поболее двадцати верст. Только завтра еще огород обиходим. Да Николку пошлем сказать, чтоб Аленка сюда приходила. Так что день еще погодим. Рассвет около трех часов. Но Ефим встал еще до свету. Николка уже у ворот. Ему вручили краюху хлеба и отправили за Аленкой. Ефим пошел по деревням собирать стадо. Их тут в прямой видимости я насчитал восемь. И дворов по три десятка. Спать и я не стал, раз все на ногах. Пока солнце не поднялось, прохладно. А главное, паутов нет, которые в поле днем жизни не дают.

Я ношу воду из небольшого пруда на огурцы. Знахарка разряжает свеклу. Но не долго продолжалась наша работа. Прибежал запыхавшийся Николка.

– Тетка Барвиха, – он пытается отдышаться, – беда там.

– Что? – Домна присела на завалинку и опустила руки.

– Аленку пороть будут. Говорят, насмерть уделают. Барин молодой, что неделю как приехал, к себе ее хотел определить. Да только с ней не сладилось. Очень осерчал. Прямо чертом скакал, говорят. Сказали, что Павлушке конюху вручил серебряный рублевик и велел засечь.

Домна встала, обвела невидящим взглядом все вокруг. И вдруг поклонилась в пояс.

– Не судите люди добрые. Пойду, сама с ней лягу. Глаза лиходеям выцарапаю, там и кончину приму. И ты, Андрейка, прости. Не думала, что так выйдет. Да видно, не судьба.

– Так, отставить, – решил я взять ситуацию под контроль, – Николай, еще раз и с подробностями. Я понял, что Алена не пошла на контакт с местным мажором. И он ее решил запороть.

– Он не майор. Есть у нас майор барин. В Авдеевке. Авдеев он и есть.

– Сколько до усадьбы?

– Версты три будет.

– Это около четырех километров. За час дойдем. Когда бить будут?

– Как всегда, после обеда. Как старый барин отобедать изволит, тотчас спит часа полтора.

Потом кофий пьют. А после на конюшне кому назначено, при нем и дают.

– Зрелища, значит. Можешь деда подменить на время?

– Хоть на весь день. Меня коровы слушаются, я бойкий. Куда велю, туда и идут.

– Народу много при казни?

– Так вся дворня, почитай.

– Дуй к деду. Домна, есть оружие?

– Вилы только. И коса. Ты что удумал?

– Чего спрашиваешь. Уже поняла. Ты же на меня гадала не просто так. Ты для своей Алены гадала. Видно, в точку попала. Раз меня отыскали. Вилы не пригодятся. Нож есть?

Вот люди, которые меня спасли, накормили последним, обустроить пытаются. У них беда. Гори оно все синим пламенем. С возрастом понимаешь, что действовать надо сразу и по полной программе, потом не будет возможности переделывать. Плохо, что я еще в себя не пришел. Но лучшая борьба с шоком и переживаниями – рискованное мужское дело. Медвежье мясо. По ходу и разберусь, кто я, и что здесь делаю.

– Есть. И топор есть.

– Не. Нужен шест с мой рост. И кистень бы. Мне еще закрыться, чтоб лицо не видно было.

– Кистень у деда надо спрашивать. А почему только лицо закрывать?

– На внедрение пойдем, тетя Домна. Для этого нужен план этого самого внедрения и легенда.

– Ой, лихое дело задумал. Сгинешь со мной вместе. Сгубила я душеньку твою горемычную.

– Прекратить русские народные страдания! Сначала легенда. Нищим меня сможешь обрядить?

– Калекой? Смогу. Только они с двумя палками ходят и короткими. Это ежели спину скрутило, так сподручнее.

– Скрутило, мама не горюй. Хорошо, одна короткая будет, другая длинная.

– Значится, еще и поперек повело, – стала вникать Барвиха, – а лицо закроем. Скажешь, потому что болезнь страшная. Если кто увидит, дескать, и на него перейдет. Так сам дохтур в городе сказал и велел прикрываться.

– Вот, у тебя прямо талант, а то жалеешь о том, чего еще не было. Нож давай. И веревку.

Нож я наточил о камень, чистить его времени нет. Веревкой прикрутил к палке от ухвата накрепко. Сверху повязали на нож рогожу. Домна сунула туда пук сухой полыни.

– Скажешь, что трава нечистого отгоняет и тебе лечение творит.

– Это еще и с оттенком юродства получится. Теперь рисуй план.

– Чавой-то?

На утоптанной земле возле дома знахарка после объяснений довольно толково изобразила расположение конюшни, амбаров, усадьбы и обычное место экзекуции. Я наметил пути отходов и подходов. Все равно получалось не очень. Догонят однозначно.

Пока собирались, подоспел Ефим, да не пешком – на телеге с лошастью.

– Вот, у кума разжился.

– Заложит твой кум всю мафию.

– Не должен. Его самого в прошлый раз секли так, что на соломе отлеживался неделю. Злой он сильно на барев.

– Что про них знаешь? Особенно про младшего.

– Да что знать? Барин как барин. А младший от француза приехал недавно, учился там что ли. Велит себя Антуаном называть. Чудной весь. Одно слово, барин.

– Антуаном, говоришь?

– Ага. А сам Анатолий.

Читал я про одного революционера французской революции. Тоже Антуан был. Когда одна девушка ему посмела отказать, то он приказал ее казнить, а из ее кожи сшить жилет, который и носил, пока самого не казнили. Под него гаденыш делается? Революция сравнительно недавно была.

– Смотри, подъезжаешь за амбары, оставляешь подводу и уходишь.

– Ага. Скажу, что хочу просить у барина изволения на куль овса в долг на пропитание, – вникает он.

– Потом в случае чего, говоришь, что угнали лошадь и ты не причем. Понял? Больше там не показываешься, а вертишься на виду.

– А я? – смотрит на меня знахарка.

– Ты подходишь к телеге и ждешь. Но так, чтоб подозрения не вызывать. В любом случае, если рядом оказывается твоя сирота, уезжаешь во всю прыть, поняла? Если я задержался, то выберусь сам. Одному проще. Скажешь, как дойти, доберусь. Не впервой.

– Только еще лошадь отдать надо втихаря.

– Николка отдаст.

– Дед Ефим, если все получится, нам обратной дороги нет. Будешь резидентом и связным одновременно.

– Ежеля растолкуешь, кто это да что, может и буду.

– Слушаешь, кто что говорит, все запоминаешь и нам передаешь. Где заимка, знаешь?

– Знаю.

– Ты – наши глаза и уши здесь. И сильно сокрушайся, что лошадь подпортили. И телегу.

Через час мы двинулись в путь. Не доезжая версту, мы с Домной пошли самостоятельно разными путями. На мне длинная серая рубаха, скорее, рубище с прорехами. Под ней на веревке дедов нож, хорошо наточенный. Штаны те же. И босиком. Только ноги в грязи измазал, чтоб нежных пяток не видали. Через плечо сума на веревке. В левой руке короткая палка, в правой длинная с кулем на конце. Голова и лицо по глаза перевязано черным платом. И сверху шапка трех с торчащими ключьями. Я припадаю на левый бок и хыкаю.

Поспели мы вовремя. Толпа смотрит с сожалением на первого страдальца, тощего мужичка с торчащей бородашкой. Здоровый детина в синей рубахе с черной бородой и кудрявой головой не спеша вытягивает большой плетью по иссеченной спине. Часть народа опустила головы, родственники, наверное. Другая часть особняком стоит, подбоченясь и взирая нахально. Очевидно, дворня.

В кресле восседает солидный седой мужчина с бакенбардами и в коричневом халате с кистями. Рядом на стуле супруга со скучающим широким лицом. За креслом стоят человек пять: дети, молодые девушки и юноши. Среди них привлек взгляд молодой человек, тощий и длинный, нос с горбинкой, в наглухо застегнутом сюртуке, не смотря на жару. Волосы с пробором и вид бледный. Фрик выискался! Подошел ближе. Слышна многоголосая гроссирующая французская речь. Ни дать, ни взять картина Репина «Расправа с туземцами». Это что за оккупация такая? Потом разберемся. За спинами ковыляю в сторону навеса.

–Эй, убогий, тебе чего? – окликает меня крепкий молодец в розовой рубахе и картузе.

– Велено у амбаров обождать, может подадут на пропитание, – хриплю я в ответ.

– А чё рожа закрыта?

– Болеть такая, благодетель ты мой, нельзя людям смотреть. Перейти на них может. Доктор так сказал в самом городе и прогнал. С тех пор туда ни ногой, только по селам и обретаюсь.

– Ишь, ты. Ну, жди. Только отойди подальше. Заворачиваю за угол. Нашел. Под навесом у стены привязана девушка. Руки закинута кверху. Толстая веревка притягивает кисти к кольцу. Рубаха разорвана. Взгляд мой, уже собравшийся метнуться к грудям, остановился на лице и застыл.

Чистое и отрешенное выражение, как у мучеников. Ей, наверное, сказали, что ее ждет. Серые глаза затмили все. Только в них одних можно влюбиться. Тело сложено, как у Венеры. Гармонично, но никаких поджарых мышц и кубиков пресса. Невысокая. Соломенные волосы разметались почти до пояса. Детские губы чуть приоткрыты. Ражий молодец в серой рубахе и без шапки потискал упругую небольшую грудь: «Скоро не кому будет. Так что тебе милость напоследок оказываю. Завалить бы тебя чичас, да не велено». Она безучастно смотрела перед собой.

– Э, болезный, – раздалось сзади, – стой тут. На тебя господин Антуан придет глядеть.

«Редкая удача», как говорил Басов в роли волка. До фильма «Про Красную Шапочку» еще сто пятьдесят лет.

Что имеем? Один рядом с девушкой, один рядом со мной. И отпрыск-извращенец. Только бы никого не взял с собой. А этой чего тут надо?

Появилась девушка – плотная, коренастая вся в веснушках. В руках венки.

– Те чё? – с усмешкой глянул парень в серой рубашке, – на смену ей пожаловала?

– Младший барин велели на нее возложить. Сплела по его велению, а сейчас приказали.

Она подошла к Алёнке и неловко надела жгут из выюнков, васильков и колокольчиков.

Точно, маньяк. Понаехало вас тут. Сам киваю.

А вот и главная звезда. Идет не спеша. В руке трость. Остановился шагов за пять до меня.

– Чем ты болен, любезный? – надменный взгляд сверху вниз.

У него что, щеки нарумянены? Сейчас сблевно.

– Дохтур про то не сказывал. Как рак, говорит. Будто клешней откусило нос и рот разъело. Велено хорониться и почтенный народ не смущать. Да куда мне деться? На остатные дни пропитание собираю. Помилосердствуйте, великий господин, не дайте пропасть, – вкрадчиво хриплым голосом, наклонив голову на бок, говорю ему. Картинно, но таким так и нравится. И точно, клюнул. Тонкие губы тронула усмешка.

– А что, красавец, коли дам тебе на месяц жизни, исполнишь просьбу?

– На коленях проползу, куда скажете, до гробовой доски помянуть вашу милость буду.

– Ползти далеко не придется. Видишь ту девушку, – он кивнул на Алёну, – поцелуй все ее прелести, а какие закрыты, так сам открой. А потом и ее саму. Исполнишь? Такой мой тебе подарок.

– Исполню все, как повелите. Только еть ее не выйдет, отвалилось все.

– Довольно и того, что я тебе сказал. А тебе для сравнения, чтоб знала, – бросил он в ее сторону.

– Пожалуйте, – тяну я грязью измазанную руку.

– Приступай уже, – в мою ладонь падает увесистая серебряная монета.

О, ноздри уже раздуваются, возбудился. Я поковылял к Алёне. В серой рубахе – здоров кабан, тоже с полуулыбкой развлечения ждет. В розовой – идет за мной.

Когда-то в программе «Клуб кинопутешествий» показывали фильм «Боевые искусства Шаолиня». Серии минут по двадцать. Мы смотрели, впитывая каждое движение. Бой с шестью меня заворожил. Сначала я тренировался на кустах, потом с приятелем набивали себе синяки и чуть без глаз не остались. После была секция у-шу. Одна из первых массовых, которые появлялись на короткое время в спортзалах школ и залах Домов Культуры.

Такой бой там не преподавали, но я нашел энтузиастов, и мы стали заниматься самостоятельно. От длинных шестов отказались. Идеальна – труба из нержавеющей стали до плеча длинной. С тех пор я чувствую себя намного уверенней с палкой в руках.

Короткую подпорку уронил. Длинную перехватил в левую руку. Серый аж шею вытянул, слюни пускает, подошел на два метра. Я к нему спиной. Алёна прикрыла глаза.

Хлесткий бросок правой рукой – монета попала в глаз Розовому. Что там не попасть с трех метров, если до этого лет десять в кабинете тренировался всякую мелочь в цель кидать? Схватился бедняга за лицо двумя руками. Слушать его матюги я не стал.

Скользкий шаг назад, и конец шеста входит в пах Серой Рубашки. Тем же концом в шею. Есть там такой треугольник Пирогова, где проходят важные нервы и сосуды. А главное, попадать туда легче. Все, заваливается назад. Или умрет или долго не встанет.

Одним прыжком я подскочил к затейнику-извращенцу. Он попытался выставить трость. Я дернул за нее правой рукой, разворачиваясь. А левым локтем на обратном движении ударил в нос. Тот сел на задницу. Расчет на появление крови. Это пугает и позволяет манипулировать.

И расчет оправдался. Кровь залила сюртук. Я выхватил дедовский нож и приставил к его шее.

– Стой, где стоишь, – бросил я парню в розовой рубашке, – иначе глотку перережу.

На всякий случай крикнул, чтоб тот не убежал. А сам грубо дернул за шиворот и протащил Антуана-Толю к Алене, перевернул на живот.

– Лежать, работает ОМОН. Смерть французским оккупантам!

Пока тот смотрел на свою ладонь, наполняющуюся кровью, я перерезал веревку. Мои глаза встретились на секунду с широко открытыми серыми глазами. «Бежим» – сказал я коротко.

Алена прикрылась разорванной рубашкой.

– Слушай сюда, – сказал я розовому, – мы уходим. Увижу погоню, отрежу ему башку и выкину на дорогу. Если понял, кивни.

Картуз наклонился.

– Передай своему шефу, если будет дергаться, то сделаю из его говнюка жилетку и заставлю носить. Привет от красных бригад. У нас длинные руки. Союз меча и орала. Рот фронт!

Проговорив эту ахинею, я схватил за шкирку Антуана, и мы с Аленой нырнули за угол. Пробежав вдоль длинной бревенчатой стены, остановился, но увидел Домну, которая метрах в ста у амбара махала руками. После стометровки, толкнул барчука к телеге. Тот собрался залезать.

– Стоять! Руки на телегу, – я подкрепил указание ударом по почке, – ноги расставил.

Гонки гонками, а правила правилами. Обыскал поверхностно. Нашел кошелек и маленький ножик в чехле. Снял с себя веревку, которая заменяла пояс. Скрутил петлей кисти и другой конец накиннул на шею. Антуан усиленно засипел. Я зашел сзади, снял с себя платок и накиннул на него, обвязал. Еще и шапку ему нахлобучил на глаза.

– Дернешься – сдохнешь. Быстро все в телегу.

Женщин уговаривать не надо. Домна нахлестывала вожжами кобылу. Та медленно разгонялась. Я побежал рядом. Надо фрика контролировать. Когда скорость подводы стала вровень с моей, я запрыгнул с краю. Жалко гнать лошадку по жаре, да еще с таким грузом. Но что делать?

Через три километра погони не обнаружилось и лошадку пустили шагом. Я слез с телеги и пошел пешком. Аленка тоже. Домна перевязала ее какой-то шалью. Жарко. Я делаю всем знак «тихо» и показываю на пленника, а сам в голос говорю:

– Если и впрямь жилетку из него сделать, не протухнет по жаре? А то подарим командору.

– А чё? Он такое любит, будет на Пасху надевать, – решила подыграть мне Домна, – непременно подарим. Еще и на онучи останется.

Мешок стал сотрясаться в сиплых рыданиях.

– На черную Пасху. Ты же участвовал в черных мессах? – Я ткнул пленника в бок.

– У-у, вы-вы, ы-ы.

– Вот и будешь дальше участвовать. Правда, не весь.

– Батююю, ы-ы.

Я перерезал веревку на шее:

– Говори, дернешься – убью.

– Я единственный сын. Папенька даст вам денег. Много денег. Зачем вам моя кожа? Продайте меня обратно ему.

– Что, сильно богат папаша?

– Очень! Дома в Москве и Санкт-Петербурге, имения в пяти губерниях, капитал миллионный. В Париже два дома для меня купил.

– А что не в Лондоне? Вы же там должны проживать, пока родители русский народ грабят.

– Не могу знать.

– Сейчас тебя высадим, пойдешь домой. Но не думай, что отпустим. Ты присягнул темной стороне.

– Так все присягают! – чуть не плачет он, – кто положения хочет. А как не хотеть?

– Ну и что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

– Откуда вы знаете?!

– Что?

– Что посвящающий – поляк.

– Есть организация, – напустил я важности, – которая знает все. И всех контролирует.

И тебя тоже.

– Не отпустите? Сколько же вы хотите?

– Не думай за деньги выкупить душу, мразь. Весь род под нож пустим. Но шанс дать обязаны.

– Так дайте же, умоляю вас. Заклинаю всем святым.

– Свое святое ты продал по глупости. Но придет человек однажды. И тогда будет шанс.

Не вертись! – я отвесил задержанному подзатыльник, – с тебя и за тебя денег не надо. А вот с папаша десять тысяч серебром. За плохое воспитание. Пусть готовит бабло. Потом скажем, куда привезти.

Через два километра мы спихнули его с телеги.

– Не вздумай повернуться.

Идти ему со связанными руками пять километров. Это еще час времени.

Алена серыми глазами на меня смотрит. У нее мягкая пружинистая походка, босые пятки не замечают земли. А у меня, как не туда вступишь, так – ой.

– А что за организация?

– Нет никакой. Лапши я ему на уши навешал, чтоб боялся.

Девушка прыснула:

– Так он взаправду все принял. Вот теперь шуму будет! А все же ты врешь. Говорить не хочешь. От смерти спасал, а довериться боишься.

– Аленушка, давай потом все разборки. Долго идти?

– Долженько. Верст пятнадцать али больше. Засветло бы поспеть, пока кабаны не вышли.

Я их страсть, как боюсь.

– Ничо она не боится, – не оборачиваясь поддержала разговор Домна, – не наговаривай лишку, а то и впрямь секач какой осерчает. Алена потупилась, но ненадолго.

– А ты в городе живешь? Какого звания?

– Человек без памяти, елизаровские его уделали, – оборвала ее знахарка, – имя еле вспомнил. А где живет, так сам порешит.

– Что, совсем ничегошеньки не помнишь?

– Так, отдаленно, – улыбаюсь я.

Девушка глянула мне в глаза. Серое теплое сияние стало проникать в меня.

– Алена! – погрозила пальцем Барвиха, – сказано, не помнит. Лечить его будем.

– Ой, будем, – улыбнулась та.

Глава 3

Засветло дойти мы не успели. Почти бегом шли до леса и еще километра два по лесной дороге. Домна боялась погони. Но в чаще уже успокоилась. Тут можно спрятаться. Алена молодец. Не отстает. Выносливость не хуже моей. Впрочем, я себя перехваливаю. Она лучше ходит. Как над травой летит, без шума.

Я вспоминаю бег в ОЗК и противогасах тогда, в советской армии. Сейчас чего не идти. В чаще прохладно, бежать не надо уже. Вскоре дорога свернула на поляну, а мы пошли тропой далее. Скорость похода заметно упала. Только когда пересекали небольшое, никем не кошеное поле, шли чуть быстрее. Миновали болото с гадюками на кочках. Я шел, как по минному полю, а Алена смеялась: «Они же сами не кусаются. Не подходи и руку не протягивай. А большую сам увидишь».

Увидели. Маленькие черные и пестрые змеи грелись и с шипением скрывались при нашем приближении. Не все, конечно, но и агрессивности не выказывали. Эта была здорова. Метра полтора в длину. Толстая, как и положено гадюкам, она лежала посреди тропы и не думала уходить. Наоборот, подняла голову и сделала движение в нашу сторону. Если такая укусит, можно умереть. От любой можно. Смертность около трех процентов. Если молодой, то проще. А вот пожилому человеку беда. И так кровь густая, сосуды плохие, так еще и сворачивается от яда. Это мне знакомый врач рассказывал, из нашей компании копателей.

Барвиха вышла вперед. Что-то тихо шепотом говорит, а я присматриваю палку. Но не понадобилось. Змея нехотя, очень медленно поползла в заросли травы.

– А что бы ее не убить? – спросил я знахарку.

– Зачем? Договорились же. Она нас не трогает, мы ее. А убьешь, неизвестно, чем рассчитаешься.

На краю болота из ручья напилась и полчаса отдохнули. Солнце давно скрылось за деревьями. Иногда в полумраке раздавался треск. Это кабаны или лоси уходили подальше от нас. В темноте уже пришли к маленькой избе.

– Вот и дома, – вздохнула Домна.

Алена достала огниво. Через несколько ударов затлел малиновым трут. Девушка ловко раздула огонь и засветила лучину в специальной подставке. Свет выхватил печку, лавки, стол. Все, как в обычном деревенском доме, только некрашенное. Заметил, что копоты нет. По белому топят?

– Вечерять не будем. До утра доживем, – решила хозяйка.

Мне на лавку кинули полушубок, и я уснул, как провалился. Когда глаза открыл, в избе никого не было. Свет пробивался через маленькое окошко из слюды. В углу деревянные ведра с водой и черпак берестяной плавают. Напились воды. В животе заурчало. Я могу терпеть голод. Даже несколько раз голодал по пять дней. Но сейчас тело хотело жрать!

Я осмотрелся. Кроме воды, съестного не видно. Печка с лежанкой и трубой. В печке пусто. На стене висят мешки. В них крупы. Открывать не стал, но на ощупь горох, перловка или овес. Веники из трав, мешочки с ягодами. Уже не помрем.

Низенькая дверь ведет в сени, довольно просторные. И из сеней я учуял запах. Слегка только пахнуло, а я уже понял, с какой стороны и что варят. Ну, примерно. Из сеней я попал во двор. Три строения не меньше избы, но явно хозяйственного назначения, в отдалении – баня.

Запах доносился с боку. Под открытым навесом маленькая каменная печь с трубой. На ней котел с варевом. Алена стоит, улыбается, руки в боки. Белая рубаха, сверху приталенный сарафан. Платка нет, соломенные волосы заплетены в две косы.

– Проснулся спаситель, – Домна вышла из сарая, – Алена с утра по силкам пробежала, две тетерки попались. Будет тебе угощение.

– Как попались?

– Как попадают? А вчера понятливый был. Командовал, чисто генерал.

– Тетя Домна, вы меня извините, но мне многое придется объяснять. Я кое-чего припомнил. Жил я не в России. Может, в Америке. В Южной. И здесь первый раз в жизни. А куда шел, откуда и кто, не помню и все тут.

– Ишь, припомнил. Так спрашивай, ежели не понятно. Хошь меня, а хошь Аленку.

– Алена, ты поймала дичь?

– Нет, она сама прибежала, от перьев отряхнулась да в котел полезла, – смеется Алена.

– Да еще и кашей обсыпалась, – заливается Домна.

– Смех смехом, а ты умеешь ставить эти силки?

– И ты научишься. Не такое мудрено дело. – Алена опустила глаза, – здесь мы дома.

Никто нам не указ. Птицу или зайца Бог пошлет, так не голодаем. К зиме коль в разум придешь, придумаешь, как и лося добыть.

Я хотел спросить про лицензию. Но какая тут лицензия? Круглый год все звери твои. А зимой, потому что холодильника нет.

– Алена, лес большой тут?

– Шел, не видел, что ли?

– Мы верст двадцать прошли.

– Так это самые ближние деревни. Мереславская сторона, губерния. Граница по болоту или вовсе ее нет. А в другую сторону, на Костромскую и сорок будет до ближайшего жилья. А ежели на север идти, то и вовсе бесконечная тайга до самого окяну. Не боись, не доберутся. Кроме дядьки Ефима никто место сие не знает.

– Ты, вот что, – Домна кивнула девушке, – пока настаивается, попарить надо молодца. А после уж и кормить.

Низкая черная ушедшая в землю банька доверия не внушала. Я разделся, положил свое тряпье на могучую скамейку из трех чурбаков и пополам пиленного бревна. Оконце света пропускало, только чтобы не запнуться сразу. Внутри жара.

– Что встал? Давай на полоч.

Сзади стояла Алена в белой рубахе.

– Вместе будем? – вспоминались старинные банные обычаи.

– А кто тебя парить будет?

– Веником?

– Могу и дубьем, коль охота будет.

В ведрах запарены ветки и травы. Алена плеснула на камни, и пар размыл ее фигуру.

– Алена, без обид, тебе сколько лет?

– Пятнадцать. Скоро уж шестнадцать будет. А тебе?

– Двадцать три, вроде как.

– А чего спрашивал? Не старая еще. Это парням годно постарше. И все ничего. А бабий век короток.

– Ты про замужество?

– А про что еще?

– Пятнадцать разве не рано?

– В америке твоей рано поди. А у нас и в двенадцать выдают. Помещик Краснов сам о тридцати пяти годах, а взял за себя барыню четырнадцати лет. Так то баре, крестьяне раньше сватают.

– Так это же дети.

– Какие дети? Женское началось, так уже девушка. Еще скажи, в двадцать лет в чадах ходят.

– В четырнадцать рожать женщина еще не готова.

– А в тридцать пять уже никак. Только и отпущено, считай, двадцать лет.

Алена взяла веник и умело хлестала меня, растирала пучками трав и веток. После выгнала на улицу. За баней оказался родник, обложенный камнями. Он тек сначала во врытый дубовый сруб, а далее ручьем в лес. Я нырнул в купальню, следом с визгом плюхнулась Алена. Картинка в глазах стала четкая. Как пелена спала. Я толчком выбрался на край, подал ей руку. Секунду полюбовался на обтянутое рубахой мокрое тело, и мы побежали в баню.

Не могу я восторженные взгляды обломать. Ребенок. Взрослый, побитый жизнью, но наивный ребенок. Считает, что я не просто так ее спас, рисковал жизнью, а послан свыше, предназначен. Теперь я – ее герой. Вида старается не казать. Но ходит за мной, как за малым дитем. Показывает, рассказывает, буквально, соринки сдувает.

После бани меня ждала обновка – синяя рубаха и новые порты домотканные. Все крепкое, не чета китайским или турецким изделиям. Я переоделся.

На завтрак или обед скорее – похлебка из тетерок с гречневой кашей и травами. Очень густая и очень вкусная. Домна на столе прямо поставила деревянную лохань. Черпаком навалила целую. Мне выдали деревянную ложку с погрызенными краями. «Сам потом себе вырежешь, – прокомментировала Домна мой взгляд, – эту Аленка в малолетстве покусала». Помоглились на восток и уселись. Мы хлебаем по очереди. Сначала Домна, потом я, и Алена. После жижи тетка раздала мясо. Я съел все, что предложили. И в кои-то веки наелся. Чаевничать решили через час.

А пока я узнал их историю, но полагаю, что не всю. Сестра Домны, Настя была сильной знахаркой. Травы, грибы, коренья и даже жуки находили свое применение. Жили они в той деревне, где мы ночевали. Настя и Домна были вольными. Но Настя вышла замуж по любви за крестьянина и стала крепостной. Внезапно погибает муж. Вдовья доля горькая. Из близких родственников здесь только одна сестра, сама незамужняя дева, да Ефим, старший брат мужа. Нанялась Настя в помощь к одному крестьянину торговать на ярмарке. Приметил ее там барин, старый, богатый и своенравный. И не мудрено глазу зацепиться, если Алена на мать похожа. Стал заезжать к помещику Тростянскому, да торговаться. И купил вдову за пять тысяч. Деньжищи огромные. В Москве камердинера грамотного за такие деньги купить можно. А в Меряславле и подавно, два каменных дома построишь.

Что дальше случилось, не ведомо. На следующий день барин, ее купивший, заявил, что она по дороге в речку бросилась, да утопла. И хоронить некого. Алену Домна себе забрала, но приказчик ей напоминал постоянно, что имущество это господское. Ей положили пятьдесят рублей в год оброку за проживание. С большим трудом удалось собирать, по крохам, чтоб недоимки не было. Невзлюбил приказчик ее, да еще и крестьян натравил, что, дескать, порчу наводит на скотину. Оттого удои плохие. Даже побили ее раз. И решила она в лес уйти. В своем доме появляется иногда только. Огород разбит маленький, чтоб показать наличие хозяев, а основное хозяйство на лесном хуторе. Домна сама грамотная. Выучила племянницу читать и писать. Потихоньку все успокоилось. В лесу сподручнее. Грибов засушит, рыжиков насолит, ягод наберет и продает. Хватало на соль, крупу и оброк. Но в лесу девку не удержишь все время. Да и сватов надо поджидать. Не век же в девках куковать. Решили пожить год на людях. Но сваты не торопятся. Тогда попросила Алена погадать, кто судьбой ее будет. Долго отказывалась знахарка, но уговорилась. И увидела Домна: в старом заваленном колодце парень, нето иностранец, нето кто. Удивилась, но старого Ефима попросила посмотреть ямы в округе. А тут я и нарисовался.

Вопросов у меня много, но задавать их не спешу. Пока не ясно, откуда взялись вольные сестры. Так просто не уезжают из родных мест. И труп Насти никто не видел.

А пока меня вводят в курс жизни. Как я понимаю, крестьяне все же не только рабы в нашем понимании, а самостоятельный экономический ресурс. И не возбраняется им начать торговлю или даже поставить завод. Помещику это только к выгоде – оброк, соответственно,

увеличится. И паспорт оформить – не такая сложная процедура. Выпишут по форме грамотные из дворни, заверишь в полиции и езжай. Но с учетом строго. Куда бы не приехал, отмечаешься. Еще строже, чем в мое время. В Сибирь на рудники за бродяжничество в легкую уехать. Правда, нет ни камер, ни фотографий, никто не знает про отпечатки пальцев. Если барин не возражает, то хоть в фабриканты, хоть в купцы можно выйти, потом выкупиться со всей семьей. А если возражает, тогда тебе каюк.

Оброк платят сто рублей с души. Причем душами только мужики считаются. Продавать их можно. И детей у родителей забрать и продать, и наоборот. Домна рассказывала о барских причудах. Кто гарем себе заводит, кто театр, или крестьянок наряжают в древнегреческие туники и оргию устраивают. А один молодой помещик продал всех мужиков из семей и сказал, что он теперь сам будет всех оплодотворять, а детей продавать.

Все же безнаказанно убивать крестьян, в отличии от рабов, нельзя. Вот в солдаты отдать, или на каторгу, или на уральские заводы продать, так это – пожалуйста. И сечь, конечно. В тот день должны были пороть пятерых мужиков за недоимки, одного мальчишку за землянику. И Алену. Барин любит землянику особого вида, она очень мелкая и темно-красная, но очень сладкая. Собрать ее трудно. А пока не отошла, так велит каждое утро с молоком ему подавать. Послали десятилетнего мальчишку. Он набрал, которая покрупней. Так барин сильно гневался, ягоды потоптал да плетей назначил.

Алена и вовсе руку подняла, так что господу в своем праве. А уж каким человек останется после казни, не их печаль. К тому же, можно так бить, что помрет страдалец только через несколько дней. Вроде бы уже и не от этого, а сам по Божьей Воле.

Все это понятно, но что мне делать в такой ситуации? Сначала были мысли поблагодарить за все и распрощаться. Завтра поутру и двинуть за сорок верст на другой конец леса. Там ближайший городок Сулич, пропишусь мещанином. Общей базы учета компьютерного нет. Никто меня искать не будет, а будет, так не опознает. Кроме четверых человек. Получу паспорт на проезд в южные края. Там свободы больше, и отсюда подальше.

Так я вслух и рассуждал вполголоса, сидя в тенечке.

Тут Алена рухнула передо мной на колени и обняла мои ноги:

– Без тебя мне не жизнь! Кем хочешь возьми, хоть рабой последней, только не гони. Прости, если дерзко говорила, чего хочешь делай, хоть посеки, хоть побей, только не гони.

Я опешил. Пытаюсь ее поднять. Она взглянула на меня, гордая лесная свободная дриада, которая недавно отвесила барчуку пендель по причинному месту. По щекам слезы двумя струйками текут.

И тут понял, что не хочу терять Алену. Меня поразило отсутствие пошлости. И готовность пожертвовать собой. Ради меня. Там, в клубах пара, она шепнула тихо: «Если и предстояло бы умереть, то только за тебя. Захочешь, все твое будет». И отвернулась. Но я услышал. Да, если не захочу, то ничего хорошего их не ждет.

Многие ли за меня согласились жизнь отдать? Уж не говорю, что она красавица. Тонкие правильные черты славянского типа. Хоть сразу на обложку журнала. Но ее не купишь ни гононгаром, за который у нас заставляли раздеваться самых приличных красоток, ни положением. Она – та самая мужская мечта, которая вытаскивает раненого с поля боя и выходит, которая не бросит калечного и будет покорно ловить твой взгляд и настроение.

Я влюбился, надо себе в этом признаться. Может, молодое тело способствует? Нет. Взгляд на жизнь у меня без всяких восторгов. И что тогда их мучить? Они -то не знают моих чувств. Представляю, какое напряжение у них обеих сейчас. Пора расставить все точки. Я встал, взял девушку за руку и повел летней кухне.

– Тетя Домна, выдай за меня Алену замуж!

Они переглянулись. Домна ушла без слов в избу. Я получил сияющий восторженный взгляд. Алена опустилась на колени. И головой показала мне место. Я встал рядом. Вышла тетка с темной иконой и перекрестила нас с обычным для такого дела напутствием.

И тут они разревелись. Обе, обнявшись, воют.

Я положил руку на спину девушке

– Что случилось? Что -то неправильно сделал?

– Все правильно, – через слезы ответила Домна, – думаешь, легко бабам одним воевать? Теперь хоть ты есть.

Я отсел в сторону и дал им выплакаться. Вечером после ужина из той же похлебки с прибавлением тушеной зелени я занялся подведением итогов после столь бурного погружения в новую жизнь. Из плюсов – молодость у меня теперь есть. Именно моя, со всеми недостатками и достоинствами для тех моих двадцати трех лет. А это – прекрасная реакция, хорошая растяжка после секции у-шу, приличная физическая сила после классики. Я вновь могу запустить прогибом. Мой бросок через плечо по скорости сравним с ударом. Плечи больше не болят, поясница гнется, и голова не кружится.

У меня остались все полученные знания и навыки. Что касается тела, то это несколько лет занятий самбо. В армии и после. И, конечно же, рукопашный бой в органах. Точнее его можно определить, как полицейское джиу-джитсу. Отрабатывались, главным образом, задержания, приемы против ножа, пистолета и все, что им сопутствует.

Лично для себя я сделал коронным пару ударов из карате. Есть школы на Тибете, где и вовсе один удар практикуют. Но доводят его до совершенства. Я не Джеки Чан. И не Брюс Ли. Мне хватит и этих. Но прямым ударом я гашу свечку с полуметра. Даже в свои сорок три я на спор предупреждал, что буду бить прямой в голову. Партнер ждал, но все равно пропускал.

Я знаю, что теперь пробегу трешку на норматив спецназа. Двенадцать тридцать. И подтянусь двадцать раз. Полноценная молодая плоть.

Еще плюс – обострилась память. Даже пришла в голову теория, согласно которой число образуемых нейронных связей в мозгу конечно. Отсюда и все рекомендации гуру саморазвития не захламлять мозг ненужными знаниями. С возрастом и правда, заучить наизусть уже стало проблемой. То, что я в юности освоил бы за одну ночь, в тамошне на учебе пришлось зубрить месяц, и то, сдал еле-еле.

Сейчас все изменилось. Пакет знаний остался, а живость ума вернулась. А вследствие этого удастся вспомнить и то, что давно забыл за ненадобностью, но когда-то учил или просто читал. А читать я люблю. Есть минус – читал я всякую всячину.

Я стал вспоминать, сколько всего пришлось изучить нужного и ненужного. После восьмого класса поступил в медицинское училище на фельдшера. Там все нужное. Потом армия – уставы и конспекты Ленина. Все ненужное? После армии работа фельдшером в амбулатории. Освоил массаж и приемы мануальной терапии, немного иголки. Это были девяностые. Лечить было не чем. Обработку ран делали раствором стирального порошка. Прекрасно получалось. Медицина выживания. Женился в первый раз. Жена не разделяла моего увлечения травами и эзотерикой, толкала на заработки. Я и съездил. Когда кинули с оплатой, стал разбираться. Вызвали ментов. Меня приняли. За это время, пока в ИВС сидел, жена успела подать на развод. А я остался в милиции. Дело на меня не возбудили, но и хозяин не расплатился. Зато начальник предложил перейти к ним. Народу не хватает, зарплата тает от инфляции каждый месяц. Зато дают паек. И тушенка, и гречка есть. Заживешь. Я и согласился. Потом учебка ментовская полгода. Там, пожалуй, многое нужно.

Но офицерское звание без высшего не получишь. Пошел на учебу платно. На юридический. Здесь те нормы не нужны, но вот образ мышления очень нужен. Не в плане использования, а в плане взлома системы. Надо понимать, как думают следаки, прокуроры и судьи. Без согласования с ними дела не будет. Закончил за три года, тогда еще можно было. Пере-

шел в наркоконтроль, там знания специфические. Даже очень. Простому обывателю, который смотрит телевизор и новости черпает в интернете, не понять. И я не понимал, пока не поработал. Как в фильме «Замысел» – «В действительности все не так, как на самом деле». Тайные шестеренки, звенья и рычаги социального механизма. Агенты, резиденты, явочные квартиры, вербовки, прослушка и прочие изыски. С виду депутат, приличный человек, но я -то знаю, кто его вербовал. У меня самого такие были. Торчат на улице неприметные тети и дяди, держат углы кварталов. Никто внимание не обратит, как наружка объект пасет. Впрочем, хороших профессионалов никто сразу не вычислит. Надо проверяться. По телеку пафосно вещают об очередном коррупционере? А за этим стоят деньги, которые он не по чину прихватил или не поделился, или зазнался. В любом случае стал неуправляемым. Но перед этим планирование подстав, нахождение исполнителей и мнимых свидетелей. Тоже работа. Вот и живешь с таким пониманием. Оглядываешься, боишься, все время на стороже. И складывается образ жизни, когда никому не доверяешь, не веришь и видишь одну гадость. И так хочется вернуться в детство, где все просто. Но уже никак. Поэтому плюс это или минус, сложно сказать. Это отпечаток, который никуда не денешь.

Еще минус, и самый главный, – я попал в прошлое. И ни капли на это не рассчитывал. Такая вот плата за молодость. И без всего. Абсолютно голый. Тот мой мир отделен не просто расстоянием, а временем. И не достигаем, наверное, уже никак. Да и зачем? Меня там нет даже физически.

Огромный плюс – я влюбился в девчонку. Не в юное прекрасное тело, хотя оно такое и есть, а в человека, тонкого, чувствительного, преданного. Уже только ради этого стоило бросать все и нестись хоть на другую планету. А с остальным справимся.

Появилась юношеская смелость, граничащая с наглостью. Она пропала лет после тридцати семи. А теперь я чувствую прилив такой непотопляемой уверенности, что знай про нее местная знать, обязательно прислали бы на болото представителей просить меня на царство.

Ко мне подседа Алена.

– Я буду с тобой во всех делах. Даже если тебя в острог или на каторгу, пусть и меня тоже. Лишь бы как ты.

– А что сразу на каторгу?

– В гадании тетке открылось, что путь будет твой тернистый, вне закона и порядков, но вперед.

– А чем дело кончится, не открылось?

– Так же, как у всех. Помрем. Важно, чем вспомнят.

– Ух, ты моя умная-разумная! Давай, подумаем, как жить. Умереть еще успеем. Только еще скажи, ты в теткино гадание сразу поверила?

– Чего верить? Оно есть. Тут важно узнать те знаки и людей, которые предсказаны. Там же не дословно говорится, а иносказательно. И умом дойти невозможно, только сердцем.

– И когда ты дошла?

– Как увидела, так и поняла. Даже если урод под платком, все равно это он. И мой.

– А без гаданий бы не узнала?

– Да забыла я про все теткины слова! До того ли было?

– Про тюрьму забудь. Не твое это дело. И не спорь. Кто-то должен меня выручать и передачки носить. Лучше меня предупреждай, если что недоброе почувешь.

– Это как получится. Все под Богом ходим.

Глава 4

Мы с Домной идем на встречу со связным. Аленку оставили на хозяйстве. Дошли до болота. Это километров пятнадцать. Дед уже ждет. Осмотрелись. Тишина и благолепие. Подошли. Обнялись.

– Ну, дедушка, рассказывай.

Дед важно уселся на упавший березовый ствол.

– А скажу я вам, милые мои, что такого переполоху я не упомяну, хотя живу, считай, седьмой десяток. Так, Барвиха? Когда там именины?

– Старый, не тяни, – Домна не настроена на воспоминания.

– Ну, слушайте. По первой, как младший Тростянский пришел весь в слезах и соплях, так барин все порывался в погоню. Трое вызвались посмотреть, куда вы пошли, да только лошадь с телегой привели. Тут же барин послал нарочного в город к полицмейстеру да к губернатору. Что уж он им отписал, не знаю, а только на следующий день приехал чиновник с нижними чинами да полсотни казаков с есаулом. На постой пока в усадьбе определились.

– Каких еще казаков? Они же на Дону должны быть, – не понял я.

– Эх, болезный. Там у них вотчина. А службу несут, где прикажут. И в нашей губернии полк стоит и в соседних. Как какое волнение, так первым делом казачки идут. Ох, и ненавидим же мы их! Коли ничего не помнишь, так скажу – хуже их иродов и нет. Не щадят никого. За любую провинность плеть, а то и сабля. Сказывали, деревню целиковую пожгли. Вроде вашего хутора на отшибе была. Не барская, а своя собственная. Не пошли в крепость, бунтовали. Их и порешили.

– Ничего себе новости. Вот тебе и причина, чего их власти голубят. Так еще и в росгвардию включают. Народ разгонять, – бормочу я, но дед услышал.

– Гвардии тут нет, а пехоты полроты придет разбойников искоренять. Это уж для полного принятия мер.

– А что про нас слышно?

– Кто во что горазд. Чего только не придумали. Одни говорят, французы пленные полк тайный создали, другие – чуть ли не сам Бонопартий сбежал и теперь силу собирает, чтоб изнутри Россию завоевать.

– Это они лишку хватили, – улыбаюсь я.

– Известно, дурни. Ходят еще слухи о капитане Корейкине с деревянной ногой, который французов не простил, и теперь, кто по-ихнему заговорит, сейчас с живого кожу снимет.

– Так, ближе к теме.

– А полиция все про бунтовщиков выспрашивает. Всех на уши поставила. Про испанцев, красный фронт и тайное общество Меча и Орала.

– А что барин?

– Всю дворню вооружил, никто не спит, ходят с пиками да фузеями. Младшего хотел в воронежское имение отослать, да он нужен будет для полицейских допросов. Тот сначала все пужался, носа не казал. А как казаки приехали, так форсу набрался. Говорит, что пятеро на него кинулись, оттого и не справился.

– А свидетели что-же?

– Так один сразу и помер. Похрипел и затих. А у второго глаз побелел. Теперь кривым кличут. Сейчас под арестом сидит.

– А его то за что?

– Так ты ж в него рублем кинул. Он, хоть и окривел, а деньгу схоронил. Чиновник прознал про то и говорит, что за рубль он тебе и помогал. Деньги ты, мол, ему кинул? Кинул. Он их взял? Взял. Злодейству не препятствовал? Не препятствовал. Все сходится. А что пострадал,

так то уловка такая. Быть ему под судом. Губернатору никак нельзя отписывать пустое. Вот его и предъявят.

– Да, заварилась каша.

– А еще, – дед подсел ближе и воровато оглянулся, – некоторые к тебе в лес собираются. Ты теперича для них человек еройский. Всю обратную дорогу я думал. Домна поняла и не обижалась на мои ответы невпопад. А подумать было над чем. Партизанское движение создать не штука, но это тупиковый путь. Государство сильнее и задавит в любом случае.

Надо внедряться в общество. И желательно, в статусе, дающем максимальные права. Мещанин – хорошо. Насколько я помню историю, даже Пушкин считал себя мещанином. Статус купца еще подтверждать надо. А торговать и крестьянину никто не запрещает.

Но поместье может купить только дворянин. Конечно, есть ходы и для священников, и для промышленников – рабы на уральских заводах не сами туда приехали. Но легально иметь свою подконтрольную территорию и людей можно только дворянам.

А зачем мне поместья? А чтоб не лез никто. Давно мечтал. Этакая гипертрофированная идея домика в деревне. А что бы и нет?

– Домна, а давай из Аленки дворянку сделаем.

– Чем выше заберешься, тем больнее падать, – вздохнула она.

– Жизнь нам дается один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

– Дерзайте. А случись чего, за Унжу уйдем. Там никто не достанет.

– Надо в Сулич сходить. Мед будем продавать.

– Какой мед?

– Волшебный лечебный, самый помогающий.

– Да где ж его взять?

– В лесу. Диких пчел тут много. Приметим дупла, да и возьмем.

– На себе много не утащишь.

– А мы около Сулича наберем.

– Там своих набиральщиков хватает, – смеется знахарка.

– Одно точно знаю, по эту сторону леса нам пока появляться нельзя.

Пчел в лесу много. В основном это земляные виды. В их гнездышках меду мало. И несколько раз мне встречались разоренные медведем. Поначалу были планы на охоту. Кабана в петлю поймать или даже лося я сумею. Тросика металлического нет, ну уж обошлись бы и веревкой. На маленького хватит. Но хранить мясо пока негде. Да и на птицах прекрасно живем. Алена сама плетет силки и расставляет в кустах и на бровках. Попадаются, в основном, рябчики. Очень вкусная птица, но маленькая. В приварок идет перловая или гречневая крупа, небольшой запас которой есть на лесном хуторе. Бывает, что и только зелень. Все равно вкусно.

В кошельке, добытом с Тростянского-младшего оказалось двенадцать рублей серебром и тридцать два ассигнациями. У них разный курс. Один рубль серебряный стоит больше пяти с полтиной бумажных. А золотой так и все шесть.

Все же уговорил я идти на торговлю в Сулич. Знахарка собрала мешочки с травами. Я прихватил пару деревянных ведер. Раз деньги есть, нужно купить припасов. Только на себе много не дотащишь.

Вышли в пятницу рано утром. Лес не везде одинаковый. Где-то идем кабаньими тропами, где-то краем болота. В обед перекусили хлебом и тетеркой. Вечером возле лесной поляны нашли остатки деревянного дома. Домна говорит, что какие-то древлеправославные прятались, да потом дальше ушли. Здесь и расположились на ночевку. Я наломал сухостоя. Хотел шалаш сделать – топор прихватил с собой, но тетка сказала, что погода хорошая, комаров мало. Переночуем и так.

Костер я разложил таежный, по всем правилам. И экран из веток все же поставил. Нарезал большую кучу молодых березовых веток, на которых мы и разместились. Домна уснула быстро. Под ее ровное дыхание я смотрел на блеклые звезды, загорающуюся утреннюю зарю и радовался всему новому. Уснул незаметно.

Солнце уже поднялось на ладонь, когда тетка меня разбудила. И мы двинулись дальше. Вскоре началась лесная дорога. Потом лес кончился и пошли поля. К обеду показались главы церквей. Пчелиных дупел я так и не нашел.

Сулич маленький город, но улицы вымощены булыжником. На торгу с телег продают деревенскую всячину. Встали и мы. «Травы от разных хворей» – стала зазывать Домна. Но никто не обращал внимания.

Я взял двенадцать рублей серебром и пошел по рядам. Приобрел картуз новый, сапоги до середины голени. Не самые новые, но приличные. Говорят, что татарские. Голенище широкое. Зато по размеру. Мне дали две портянки в подарок. Штаны синие в тонкую красную полоску, тоже новые. Рубаха темно-синяя с прямым воротом стойкой. Осталось три рубля сорок копеек. Зато теперь не стыдно присоединится к таинству маркетинга.

Правда, торговец из меня не очень. Одно дело книжки читать, другое – лицом к лицу с людьми. Я стеснялся, но делать было нечего: «Наилучшие препараты для восстановления мужской силы, если не поможет, вернем деньги».

Пока я надрывался прибитым голосом, Домна пошла на закупку припасов. Вскоре рядом со мной образовался ряд мешочков и кульков. И как мы это все потащим? Но все нужное. От меня Алене она купила платок с бахромой.

– Мил человек, – окликнул меня бородатый дядька с изможденным лицом, в коричневом сюртуке, – а от живота есть травка какая?

– Конечно, есть, – начал я, но память услужливо вытолкнула на свет алгоритм, вбитый сначала преподавателями, потом практикой, – а что у вас с животом?

– Да это не у меня, у барина моего. Приехал в гости к брату да занедужил. Уж лекарь городской день и ночь при нем. Клистир прописал, диету. Ничего не помогло. Отходит барин. Уж так мучается, сил смотреть нет. Супруга его говорит: «Поди, Никифор, на воздух, а то сам упадешь, лица на тебе нет, третью ночь не спишь». Вот я и пошел. И вот что мне делать? Сказать, что нет ничего? И все кончится. Нет уж. Я уже осторожничал и потом жалел. Были случаи. А жизнь и состоит из таких маленьких случаев. Теперь буду делать все набело и сразу.

– Чтобы подобрать лекарство, надо поставить диагноз. И по вашему описанию я ничего не решу. Этими травами можно улучшить пищеварение, наладить стул, но, по вашим словам, у барина серьезное заболевание. Травы тут радикально не помогут. Пусть хотя бы доктор зайдет, поделится данными осмотра.

– Ух. Ты только не уходи. Я сейчас.

Мужичок очень резво для седых волос полубегом удалился по улице и скрылся за поворотом. Ну все, сейчас заложит. Придет урядник. Про документы легенда старая – ограбили разбойники, отшибло память. Домна подтвердит. А если проверить пожелают? Или уже в курсе, что у соседней кипеж? Тут и получу. Как говорится, не делай добра, не получишь зла. Но без добра жизнь никчемная. Пусть будет риск.

– Вот он, – раздалось вдалеке.

Рядом с коричневым сюртуком широко шагал темно-синий мундир, пышные усы дыбились, на боку бряцала шпага. У нижних чинов вроде шашки? Какая разница, сейчас загребут. Домна точно одна покупки не дотащит. Ломануться сейчас? А вот и она. Подошла с боку, настороженная и собранная.

– Вот он, ваше высокоблагородие.

– Голубчик, Никифор говорит, понимаешь в медицине. Не откажи. Брата мне спасти надо. Умрет родная кровь прямо у меня в доме. На именины приехал, а тут такое. Может, подскажешь что.

– Здравствуйте. Неожиданно все так. Но больного, насколько мне известно, курирует местный врач. Наша оценка ситуации может расходиться весьма сильно.

– Его оценка уже не помогает. Понимаю, ваше сомнение объясняется молодостью. Но и за соломинку хватаюсь. Не откажите. По разговору слышу ученого человека. Прошу простить великодушно, я не представился. Гурский Дмитрий Семенович, полицмейстер нашего города.

– Андрей Казаков, моя история требует более обстоятельного изложения. А сейчас пройдемте к вам. Время против нас.

Я подхватил несколько мешков, мне помогал Никифор. И даже полицмейстер прихватил какой-то сверток. Всей процессией мы очень споро оставили позади торговые ряды. Остановились перед двухэтажным каменным домом.

– Уснули там, черти! – прогремел хозяйский голос.

Дверь в воротах открылась. Кто-то, кланяясь, отлетел в сторону, а мы помчались внутрь. Лишь у комнаты больного я оглянулся.

– Тетя, вы меня здесь обождите.

Внутри на высокой кровати тяжело дышал человек. Ухо уловило – это еще не патологическое дыхание. Просто ему больно. Рядом в очках и черном сюртучке доктор считал пульс. Всколыхнулись прежние стереотипы поведения в таких ситуациях.

Я уверенно подошел.

– Здравствуйте, что у него?

Доктор медленно поднял лицо. Умные глаза за круглыми линзами смотрели несколько секунд.

– Иванов Сергей Павлович, коллежский ассессор, врач, – кратко отрекомендовался он, – вы молодой человек, студент-медик? Вот кто я? Фельдшер с практикой в сельской местности. Переломы лечил, гипс накладывал. Травматологи потом хвалили. Раны ушивал. Но острый живот всегда направляли в хирургию.

– Сергей Павлович, при всем уважении, сейчас не до выяснений положения в стае. Меня позвали к больному. Я его осмотрю. Если поделитесь наблюдениями, буду благодарен. Да, зовут меня Андрей.

– Что ж, Андрей. Боли начались три дня назад, приступообразные, живот болезненный. Предложенное лечение не помогло.

– Иногда легче, – вступил в разговор больной, – но боли жуткие. Меня не представили. Иннокентий Семенович Гурский.

Он не договорил, поморщился от приступа боли. Смотрю на него – осунулся.

– Еще два дня помучается. К сожалению, мы бессильны. Вам для практики наблюдение будет полезным. А вы уж простите, все знаете. Обманывать тщетной надеждой не буду.

– Знаю, – просипел больной, – завещание составил сегодня. Жаль, брату праздник испорчу. Он так этот день и запомнит. И жену с детьми жаль, ну да братец и позаботится.

– Позвольте, – оттесняю врача, – так больно?

Я нажимаю плавно на живот. Реакции особой нет. Потом резко отпускаю руку. Иннокентий Семенович вскрикнул. Я поднял сорочку с живота, шаркнул ладонью по коже. И так больно. – Симптом Щеткина-Блюмберга, симтом рубашки, – бормочу себе под нос, – а началось как?

– Около пупка заболело, а потом в правый бок сместилось.

– Аппендицит. Классическая картина.

– Позвольте, какая картина и чего? И что за симптомы? Ранее слышать не доводилось.

Вы учитесь в Германии?

– Мы потом обсудим частности. Могу сказать, что, необходимо удалить червеобразный отросток. Без операции не обойтись. Расклад такой, вырежем – шанс есть, не будем трогать, погибнет.

– Любой шанс, любой, – от двери раздался крик брата, – что хотите делайте. И так- не жить, и так.

– Как? Какой отросток? Французская школа указывает на ведущую роль слепой кишки при этом заболевании. Никто не удаляет ее, – доктор сверлил меня глазами, – у нас это верная смерть.

Я повернулся к Дмитрию Семеновичу:

– К сожалению, возможности помочь нет. Простите.

Я встал и прошел к двери. Преподаватели говорили, что фельдшер, хоть и не обязан в современных условиях, но должен уметь сделать простейшую операцию. Много раз я присутствовал и ассистировал друзьям на операциях, но сам аппендицит удалял один раз в жизни. Когда остался самый трезвый на вечеринке в районной больнице на Новый Год. И то, под при-смотром хирурга и его плотным руководством. Потом за это выпили еще. И давно дело было.

– Андрей, если есть хоть малейшая надежда, – из-за спины полицмейстера выглянула красивая темноволосая женщина, – умоляю вас, не откажите. У нас трое детей.

Я повернулся назад:

– Я не мастер операций, да и условий нет никаких. Но и другой возможности тоже нет. Если вы дадите согласие и ваши родственники, то я попробую.

– Юноша, вы можете попасть в очень плохую историю, и ваша карьера закончится, не начавшись, – тихо сказал доктор.

– Согласен, Сергей Павлович. Можно так все оставить. Но я буду делать. Поможете?

– Помогу, – кивнул он.

– Иннокентий Семенович?

– Умалюю, не тяните. Уж лучше сразу, чем два дня еще.

– Тогда слушай мою команду, – набычился я в дверь, – нужен скальпель, острый, зажимы, какие есть. Игла и нити шелковые. Очень много кипяченой воды. Ставьте кипятиться воду и в ней прокипятите инструменты и нити. Около часа. Чистые простыни штук десять и пеленок штук пятнадцать проглаживаем раскаленным утюгом. Сожжете, ничего страшного.

– Зачем? – подал голос доктор.

– Надо так, – буркнул я в его сторону, – затем готовим место для операции. Нужен стол и хорошее освещение. Также нужен спирт. Много.

Был случай, врач сам себе вырезал аппендикс. Но то же наш человек. Мне нужен наркоз. Хлороформа еще нет. Эфир есть.

– Сергей Павлович, есть эфир этиловый? Он же серный.

– Здесь вряд ли вы его найдете. Я знаю о его свойствах уменьшать боль и применил бы, если бы имел.

Тогда только спирт. С точки зрения медицины он является истинным наркотиком. Потому что вызывает наркозный сон. Очень короткий период такого сна, плохо управляется, плохой выход, но все же это сон. Поэтому и наркотик. В отличии от конопли или амфетамин-ов, которые никакие не наркотики, а просто их внесли в перечень наркотических средств для контроля.

Я вышел в коридор. По комнатам и этажам гроыхал голос Дмитрия Семеновича, чело-век пятнадцать носились в разных направлениях с ведрами, бочками, дровами, простынями. А я вспоминал, как это все делается. Если все упростить, то нужно разрезать живот в районе слепой кишки, то есть чуть выше гребня подвздошной кости, вытащить собственно кишку с аппендиксом, перевязать его ниткой, отрезать, зашить. Или зашивать не надо? Так вправить? Ааа! Ладно, потом надо зашить разрез послойно. Брюшину, мышцы и кожу. Дренаж вставлять?

И если вставлять, то что? Резины еще нет. Значит, не вставлять. Не лапаротомия. И ушью наглухо. А там будь что будет. А помрет? И так помрет. Спокойно Маша, я Дубровский.

Домна сидит внизу, обложившись мешками. И ей, похоже, весело.

– Тетя Домна, нет ли с собой чего против боли? Может, заварим травки?

– Есть, как не быть. Не для продажи только.

Она достала маленький мешочек. В нем серые катышки и комочки.

– Вот, очень помогает. Маковая роса застывшая.

– Опий сырец? Неожиданно. Хотя, как раз пригодится. Сделаем опийную настойку.

Я взял мешочек и пошел к доктору.

– Сможете организовать приготовление опийной настойки? Надо прокипятить в спирту на водяной бане часик и остудить. Его и будем использовать для обезболивания.

– Не беспокойтесь. С этим мы знакомы.

Через полтора часа в комнату вошел Дмитрий Семенович:

– Все готово. Спирт винный в бочке. Прикажете разлить?

– Да, по-мельче посуду возьмите. Сергей Павлович видит мое состояние. Его рука легла на мое плечо.

– Не волнуйтесь. В любом случае вы желаете спасения жизни человека.

– Спасибо, доктор. Вы умеете зашивать раны?

– Умею. И я буду с вами в любой ситуации.

– Прекрасно. Трубки есть у вас? Тонкие из латекса или резины.

– Что такое резина?

– Блин.

– Прикажете испечь?

– Мне нужна тонкая трубка длиной пятнадцать сантиметров, – как можно спокойнее говорю я, – пять дюймов можно. Или около того.

– Есть стеклянные, но они длиннее. О, есть из бараньих кишок.

– Давайте из бараньих. Несколько трубочек нарежьте и в спирт сразу. Пусть стерилизуются.

– Что, простите, делают?

– Обеззараживаются.

– Вы верите в заразу, в народные воззрения?

– Давайте про это после. Мы расположились в самой светлой комнате. Просторная гостиная с дубовым столом посреди. Я велел протереть спиртом все поверхности.

– Очень надеюсь на объяснение сих таинств, – хмыкнул Сергей Павлович.

– Пренебреженно. А сейчас скажу, что от нашего вмешательства больной не умрет. А вот от послеоперационных осложнений вполне может. Их профилактикой мы и занимаемся.

Стонущего Иннокентия Семеновича уложили на стол. Я перекрестился на иконы и начал. Сначала обложили всего пеленками. Оставил только маленький участок живота. Две простыни использовали как халаты. Руки вымыли с мылом и потом спиртом. Больному дали разведенной водой настойки стакан. Через пять минут еще один. Глазки поплыли.

Я сделал разрез. Небольшой, десять сантиметров. Расширить можно, если надо. Под кожей желтая жировая ткань. Потом мышцы. Наконец брюшина. Вот будет сейчас нетипичное расположение. И конец. Но мне повезло. Я вытащил наружу слепую кишку с набухшим от гноя аппендиксом. Уложил на пеленку.

И он лопнул с конца. Гной потек на ткань.

– Сергей Павлович, внутрь не должно попасть ни капли.

Помощник хищно бросился с пеленкой и закрыл рану, как смог.

– Нам повезло. Если бы лопнул там, ничего бы не сделали. С перитонитом в этих условиях не справиться.

Я достал нитку, перевязал. Отрезал коротко отросток. Теперь кисетный шов. Утягиваем и вправляем в кишку. Сергей Павлович смотрит широко открытыми глазами. Шьем брюшину, мышцы, кожу. Вставляем трубку и подшиваем к коже. Пациент молодец, только иногда кряхтел да настойки требовал, какую и получал по полстакана.

Все. Закрываем рану повязкой. Велю вымыть и проветрить комнату, в которой будет лежать Иннокентий Семенович. Его переносят прямо на одеяле. Надо еще на счет диеты рассказать.

От психического напряжения дрожат колени, поворачиваюсь к выходу и вижу картину – все стоят и смотрят на меня, а я один посреди залы. Дмитрий Семенович в середине, рядом его супруга, супруга больного, еще какое-то воздушное прелестное существо, слуги, Никифор и Домна сбоку выглядывают. И только у ее одной хитрые глаза.

– Что? Сейчас его не кормить, только поить. Завтра протертая каша. За трубкой смотреть, чтоб не выдернул.

– Андрей, голубчик, – не слушая шагнул ко мне полицмейстер, – как все прошло?

– Да, вроде, нормально прошло. Еле успели. Еще час и не спасли бы. А так живет. Если осложнений не будет, то через неделю ходить можно.

– Прошу на молебен, – Дмитрий Семенович размашисто перекрестился.

Внизу уже ожидали батюшка с дьяком. Судя по следам, один молебен уже служили, пока мы делали операцию. Представили, их как отца Петра и отца Василия. Куда тут денешься. Полчаса усердно крестился, а сам вспоминал, где и какие косяки в лечении могут быть.

После молебна предложили обед. Меня посадили рядом с хозяином. С другой стороны разместился доктор. Домна с краю стола. Я хотел было перебраться к ней, но она сделала знак, что все нормально, сиди, где сидишь.

– Ну, дрожайший незнакомец Андрей, – начал доктор, – Дмитрий Семенович затрудняется выспрашивать, но все мы в нетерпении желаем услышать вашу историю.

– Не может столь чудесное спасение обойтись без промысла Божия, – поддакнул лысый священник с окладистой бородой, который Петр.

Пора легализоваться.

– История моя проста. Я ничего не помню. Очнулся я совершенно голый в соседней с вами Мереславской губернии. Спасла меня тетя Домна со своим родственником. Очевидно, я ехал или шел в ваши края, раз здесь оказался. Но достоверно ничего сказать не могу. С трудом я вспомнил имя и то не уверен, что свое.

– Как загадочно! – воскликнула девушка лет семнадцати. Ее тонкую точеную фигурку я заметил сразу. Очень милое личико, завитые пряди спускаются на щеки. И глазками стреляет прямо наповал.

– И самое загадочное, это сегодняшняя операция, – кивнул доктор, – не знаю, где вы учились. Но вы хоть понимаете, что сделали? Если Иннокентий Семенович поправится, то это прорыв в медицинском искусстве. Сколько больных похоронили с подобными симптомами!

Все перекрестились.

– Понимаю. Очевидно, здесь это еще не знакомо. Да и я не мастер, но выбора не было.

– Тем не менее, вы знали, что делали, а значит, как минимум, видели неоднократно и сами исполняли.

– Наверное, видел и исполнял. Не помню.

– Необходимо написать статью. Непременно. Утаить такие знания – преступление, – поднял указательный палец доктор.

– Позвольте, – завладел инициативой полицмейстер, – не те ли жуткие разбойники вас побили, что напали на усадьбу господ Тростянских? Если те, то вам очень повезло остаться в живых. Говорят, они снимают с жертв кожу и посылают в подарок родственникам.

– Папа, что ты такое говоришь! – возмутилась девица.

– ЛизИ, я очень взволнован. Прошу простить за излишне натуральные картины. Я приложу все усилия, чтобы эта дрянь не перешла к нам.

– А что, может? – осторожно интересуюсь я.

– Насколько я знаю тамошнее полицейское начальство, всех им не словить. Но шороху навели. По последнему донесению разбойничья деревня Елизарова сожжена. А вот сами лихие люди разбежались. И кто знает, куда направятся. Непроходимые леса и болота между нами, но вы же прошли?

– Да, в лесу, как раз мы и таились от них. Сами понимаете, обжогшись на молоке, на воду дуют.

– Здесь вы в безопасности. В моем доме свободных комнат в достатке, но доктор очень жаждет вас заполучить к себе на постой. Надеюсь, вы не собираетесь сегодня в обратный путь?

– Нужно понаблюдать за больным. Через два или три дня вытащим трубку и уйдем.

– Андрей, я очень прошу остановится у меня, – взял меня за руку Сергей Павлович, – нельзя упускать такой момент. Мы подготовим статью в Вестник.

– А вдруг дяде станет хуже ночью? – вмешалась ЛизИ, – Андрей непременно должен жить у нас.

– Право, Сергей Павлович, так неудобно получится. Вы похитите у нас гостя, – сказал Дмитрий Семенович.

– Понимаю, но уступить не могу. Медицина превыше амбиций. Решите же, Андрей!

– Отдадимся в руки идеалистов. Я буду осматривать больного вместе с доктором два раза в день.

– И обедать у нас, – пискнула Лиза.

– Это уж обязательно, и отказов не приму, – басил Дмитрий Семенович.

После всех инструкций и согласований мы откланялись. Нам дали экипаж в два лошади, ехать недалеко. Выдохнул я только у доктора.

Он жил в длинном одноэтажном доме, разделенном на две половины. В одной был прием, в другой проживал сам и прислуга. Комнат всего семь. Нас поселили в отдельных покоях.

Я зашел в комнату к Домне.

– Ну, ты дал огня! – она смотрит в упор, хитринки в глазах, как искры, – стало быть, по лекарской части был?

– Когда-то и по лекарской.

– А я вот чего узнала. Пока ты там бок резал, с Никифором поговорила. Иннокентий этот большой человек в самом Петербурге. Действительный статский советник. Самому царю советы, вишь, дает. А братец у него непутевый. Прочили его в Мереславле полицмейстером, а не вышло. Попал в скверную историю. Да не сам, а нынешний начальник его подвел. Пришлось в соседнюю губернию уезжать, да в маленький городок определили. Брат приехал с Костромским губернатором поговорить да с градоначальником. Иннокентий ждал его как манну небесную. От него дальнейшая жизнь зависит.

– То-то он так переживает.

– Конечно. Не будет руки в верхах, далеко не пройдешь.

– Да, тетя, их тебя хороший опер бы получился. Продолжай в том же духе. Аленка нас там не потеряет?

– Так она с понятием. Обождет.

Нас позвали пить кофий. Домна отказалась: «Вам о своем поговорить надобно, а я с прислугой поем».

К кофе были булочки.

– Мне сегодня предстоит бессонная ночь, – заявил, улыбаясь, доктор, – и виной тому будете Вы, если не расскажите все подробности того, что мы сегодня делали.

– Расскажу, извольте. Только давайте так. Я буду говорить, а вы слушать. Чует мое сердце, много будет в разрез с вашими представлениями. А переубеждать я никого не собираюсь. Нужны горы трупов для подтверждения правоты? Пусть они будут на совести сомневающихся.

– Я вполне убежден делом.

– Тогда слушайте.

Я рассказал, что знал о простейших, микробах и вирусах. О первых двух доктор был прекрасно осведомлен. Даже имел микроскоп. Привел ему примеры болезней. И рассказал о смысле антисептики и асептики.

Потом затронул симптомы аппендицита. Какие вспомнил. И этапы операции.

– А трубочку зачем воткнули? – безучастно спросил врач.

– Чтоб был отток воспалительного экссудата. Если наглухо зашить, сам может не рассосаться. Тогда возникнет перитонит.

Доктор смотрел в одну точку. Если бы мне случайный прохожий рассказал об устройстве вселенной, и я чувствовал, что это правда, я бы также сидел. Особенно, если бы еще и продемонстрировал.

– Это невероятно, – выдохнул он, – этому вы не могли научиться в Европе. Их взгляды противоположны.

– Да, поэтому мы не будем кричать на всех поворотах. И биться лбом о стены тоже. Практика – критерий истины.

– Я должен признаться Вам. Полицмейстер поручил отметить особенности Вашего поведения, для того, чтобы определиться с поиском родственников. Вы не думайте плохого. Он человек практичный, но порядочный и благодарный, хотя и наивный в некоторых вопросах. В любом случае можете рассчитывать на его расположение.

– И какие же первые выводы?

– Вы решительно образованный человек. Воспитания не подлого, но и не местного. Держитесь, как много повидавший и привыкший командовать. Что, простите, никак не вяжется с вашим возрастом.

Командовать приходилось. Два раза был начальником отдела. Там без дисциплины никак. Ну и проведение специальных операций. Пока все состыкуешь, прежде чем дашь команду «Захват», все горло сорвешь.

– Признаюсь и я Вам честно. И рассчитываю на секретность. У меня нет родственников. Или я их никогда не вспомню. Так что устраиваться мне надо с чистого листа. А что до Дмитрия Семеновича, то думаю, он видит во мне возможного разбойника.

– Возможно. Говорят, там были образованные люди. Но сказанное мной в силе.

Глава 5

Дальнейшее гостеприимство выразилось выставлением поста к дому доктора. Усатые полицейские с шашками сменяли друг друга каждые три часа. Это было удобно – все организационные вопросы решались моментально. Еду из трактира приносили бегом. Пьяные песни не орали, даже собаки не лаяли. С другой стороны напрягало – похоже на конвой.

На следующий день нас ждали с утра. Около десяти мы осмотрели Иннокентия Семеновича. Ничего плохого, выделений нет, температура ушла. Сам он повеселел, но ворочаться больно.

Доктор отбыл на прием больных, а я гуляю по городку. Вполне себе провинциальный город. Монастырь с высокими толстыми стенами. Такого и в Мереславле нет. За стеной несколько храмов и монастырское кладбище. Монахи копаются в огороде. Рядом с монастырем торговые ряды и мощеная камнем площадь.

Обед назначен в четыре. Доктор сказал, что надо идти. Обидятся. По случаю поста блюда без мяса. Подали уху с осетриной. Не великий я ценитель, но вкусно. Прикусывали пирожками. Потом кулебяка с капустой. Караси в сметане. И различные водки, настойки, вина, от которых отказался. Был период в жизни, когда я выпил свою цистерну. Потом как-то надоело. Здоровье теперь есть, а вот привычка быть трезвым осталась.

После обеда прошли в гостиную и закурили. Дым вполне ароматный, не чета той гадости, которую продают нашим несчастным гражданам.

Лиза просто бьет на поражение. Но у меня Алена. И видно, как трезво оценивает увлечение дочери ее мать. Поэтому я предельно вежлив. На третий день трубку из операционной раны вытащил. Теперь само зарастет.

Дмитрий Семенович с хитрым выражением завел меня к себе в кабинет. Там находился пожилой полицейский, который сразу вскочил по стойке смирно.

– Вот, дорогой наш спаситель. Есть и у меня для вас сюрприз. Может статься так, что отыскали мы вашего батюшку. Похож, а? – гаркнул он полицейскому.

– Похож, ваше высокоблагородие, прямо вылитый! – ответил тот, выпучивая глаза.

– От то-то же, – сказал полицмейстер и неожиданно мне подмигнул.

– И на кого я похож?

– Известно, на родителя своего, – ответил полицейский, – я как услышал имя Андрей, так сразу и подумал, а не Зарайского ли сынок возвернулся.

– Кузьмич тут самый старый служака и рассказал старинный случай, – продолжил Дмитрий Семенович, – пропал у помещика сын. То ли сбежал, то ли утоп. Через несколько лет господин Зарайский в уме помутился и ждет, что сын его обязательно вернется. А с ним и все дела поправятся. И правда, имение давно пришло в упадок. Одних долгов тысяч на тридцать. Но то дело наживное, если заложить его в опекунский совет. Еще и прибыток будет. Есть у меня мысль отвезти вас к нему. Благо, не так далеко добираться. Как раз к лесу примыкает. Может, Вы что вспомните, а может, он.

– И когда мы поедем?

– Да прямо сейчас. Время дорого. Батюшка ваш совсем плох. Чудо, если застанем в сознании. Выйди! – бросил он полицейскому. Того, как сдуло.

– Просьба у меня, Андрей. Возможно, нелицеприятная, но только мне наедине скажите.

– Спрашивайте.

– Ваши политические убеждения. Поймите правильно, это только для меня. Ответ ни на что не повлияет, но позволит прогнозировать разные неприятности, которые бывают на жизненном пути любого человека.

– Отвечу. Прежде всего я противник любых западных либеральных веяний. Поэтому твердо могу объявить себя славянофилом и монархистом. Если вы предполагаете высказывания революционного толка, то разочарую – их не будет. И более того, я буду бороться с ними, потому что знаю, чем они закончатся. Законными методами, разумеется.

– Не ожидал, но тем приятнее для меня встретить здравомыслящего человека. В Вашем возрасте, знаете ли, всякие увлечения возможны. Нас уже ждала открытая бричка, запряженная двойкой лошадей. По пути подсел еще один человек.

– Викентий Иванович, наш нотариус. Поверенный в делах. – отрекомендовали мне его.

За час мы проехали около десяти верст и очутились в деревне. Один из домов был больше остальных, но такого же типа, какой по всей срединной России.

Нас встречало человек десять. Все, как один, заголосили: «Вернулся батюшка кормилец». Цирк с конями.

В доме на грязных простынях лежал обросший старик. При виде меня глаза его заблестели.

– Я знал, – вытянул он руку в мою сторону, – знал, что ты не утонул и не пропал, а уехал. Подойди же, чадо. Птицы не клюнули тебя?

– Георгий Николаевич, вы узнаете своего сына? – начал работу нотариус.

– Я чувствую, что это он, подойди. Только птиц прогоните, они мешают.

Я подчинился. «Опустись» – сдавлено прозвучало сзади.

Я встал на колени. На голову легла дрожащая рука.

– Благословляю тебя. Прости, что оставляю дела расстроенными, но что имею, возьми.

Вынырнул нотариус с какой-то бумагой и дал старику в руку перо: «Внизу здесь».

Старик подписал.

Мы вышли на улицу.

– Через полчаса он забудет про наш визит. А мы составим комиссию и дадим ход вашему ходатайству.

– Какому?

– Которое вы сейчас напишите.

– Уже написали, – возник рядом нотариус и протянул бумагу, – можете не сомневаться, все по форме.

Я подписал.

– Месяц уйдет на рассмотрение. Думаю, задержек не будет, господин Зарайский Андрей Георгиевич, – полицмейстер улыбался, – теперь прощу. К ужину поспеем. На следующий день я пришел попрощаться. Пациент наш чувствовал себя хорошо. Кушал бульоны с сухариком.

– Мы уходим, Иннокентий Семенович, – положил я руку ему на плечо, – обязательно проведаю вас через месяц, если застану.

– Почему уходим, а не уезжаем?

– Потому что пешком. Да и не проедет там экипаж.

Тут тучи собрались на лице действительного советника, обрамленном пышными бакенбардами и усами. Казалось, молнии из глаз посыплются.

– Этот вопрос я еще разьясню, – сказал он с натугой.

Колокольчик звякнул, и появился Никифор.

– Вот что голубчик, выбери из моих две лошадки да оседлай, багаж устрой, ну все, как полагается. А ко мне позови Екатерину Гавриловну.

Никифор исчез и почти сразу в дверях появилась супруга Иннокентия Семеновича.

– В моем саквояже возьми и выдай десяточку на дорогу моему спасителю. И не вздумайте отказаться! – зыркнул он на меня, – и не мыслите, что Иннокентий Гурский жизнь свою не ценит и добра не помнит. То Вам только что на дорогу. Тьфу, какая мелочь. А устройством

Вашим мы позже займемся. И отказа не принимаю. Вы поучаствовали в моей судьбе, не отвергайте же посильную помощь для Вашей.

– Душевный Вы человек, Иннокентий Семенович. Раз Господь свел, так не нам, грешным, по сторонам расходиться. Сейчас же прощайте.

Я обнял могучие плечи высокого чиновника, получил поцелуй колючих усов, и вышел.

Через полчаса две лошади были оседланы, кожаные переметные сумы нагружены нашими вещами. Ко мне подошла жена пациента:

– Прошу принять, как супруг распорядился, – она протягивала мне кожаный кошель размером с женскую сумку на ремне.

– Как-то много для десяти рублей

– Десяточкой они десять тысяч ассигнациями зовут, когда в карты играют, так что все верно.

– Спасибо, Екатерина Гавриловна, еще раз напомню о необходимости соблюдения всех предосторожностей. Никакого своеволия. Сергей Павлович проследит. За сим позвольте откланяться.

Во двор вышла Лиза и встала у крыльца.

– Прощайте, Лиза, – подошел я поцеловать протянутую ручку.

– Надеюсь, следующий Ваш визит будет не столь сумбурным и по более приятным поводам. Прощайте, Андрей.

Домна вела за повод коня, навьюченного сумками. Походка ее осторожна. Напомнила мне, как мальчик с бутылкой масла уходил, из мультика про Масленицу. Полное ощущение, что побежит сейчас прямо за воротами. Я взял свою лошадку и вышел вслед за ней.

Направились мы в торговые ряды. День был не базарный, но в лавках мы докупили много всего, в том числе, тетка присмотрела платье и сарафан Алене, Я выбрал для нее сапожки на шнуровке и кучу простеньких украшений. На меня подошел только костюм вроде охотничьего, который здесь не покупал никто третий год. Хозяин так обрадовался, когда я решил его померить, что отдал за двадцать рублей. Костюм цвета хаки, из очень плотной и добротной ткани. Вмести с кепи. Здесь все вещи такие. Поэтому и передаются по наследству. Не Китай, прямо скажем. Хлопковые изделия называются бумажными, считаются дешевой покупкой, неосновательной. Но пару бумажных рубах под костюм я взял. И высокие неубиваемые ботинки рыжей воловьей кожи. Больше на меня вещей не было, а даже прикинуть фрак я морально не готов.

Домна докупила еще продуктов, я прихватил сластей – халву, леденцы и конфеты. И настоял, чтобы тетка купила себе одежды. Ничего она себе не нашла подходящего, но согласилась на платок и сарафан с льняной рубахой.

Мы отошли на пару километров от города. Коней еще кормить надо. Об этом мы и рассуждали. Пока будут пастись по луговинам и опушкам. Стреножим веревкой, чтоб не убежали, а потом можно продать, а оставлять, так надо конюшню делать и сена запастись с овсом.

Пока мы так рядили, из придорожных кустов вышли двое. Нож со мной. Дед его так и не забрал, сказал, что у него еще есть. Только висит он у меня за спиной, под рубашкой. А вот шеста нет. Упущение. Уж очень стремительно развиваются события. Анализ не поспевает.

– Васятка! – Не удивилась Домна, – а я думаю, чего не подходишь? Никак в бегах?

– Матушка Барвиха, ждем вас уж вторую неделю. А ты, значит, нас заприметила?

– Известно дело. Вас только урядники и не видали, поди.

– Приюти, матушка, в лесу, почитай живем. Оголодали и продрогли.

– Так у хуторка нашего хозяин теперича. Его и спрашивайте, – кивнула она на меня.

– Тетя Домна, кто это? – спрашиваю я настороженно.

– Так сродственники Ефимовы. Ну и Аленкины. Да и мои тоже. Жильцы елизаровские. А не вы ли, сукины дети, мово зятя оприходовали?

– Не мы, Христом Богом клянемся, – упали они на колени, – поклеп это, слышали мы про то. Нет нам дела и хода по своим местам. Чай, не дурнее волков, у гнезда не охотимся. Нет вины на нас. Обчество послало просить слезно твоей милости. Барин, прости, коли что говорят про нас. Не погони, в Алене наша кровинушка.

– Так это вас с места согнали?

– Нас, кормилец, нас.

– Много убили?

– Деда Поликарпа саблей зашибли. Так он сам не стал уходить. Две старухи сгорели в избах. А остальные на острове в болоте спрятались. Туда казаки не сунулись.

– Что скажешь, Андрей Георгиевич?

– Родственников бросать нельзя. Присылайте старших. На болоте встретим, поговорим. А пока что купите еды, – я протянул сотенную бумажку, беленькую.

– Барин, век Бога молить за тебя будем и детям накажем.

Разбойники скрылись в кустах.

– Так ты их хорошо знаешь? – спросил я Домну.

– Знаю, – ответила та просто.

– Безобразничать дома не будут?

– Да ты что! – Возмутилась она, – насчет этого будь спокоен. А тебе спасибо. Все боялась, что накричишь да прогонишь. Они хоть и промышляют, да все души человеческие.

Я замолчал. Лошадки мерно вышагивали. Перед лесом мы их напоили в ручье. Домна в маленькой деревушке купила мешок овса, покормила «господских коней». Занялись вечерние цикады. Мы дошли до места прошлой ночевки уже в сумерках. Я развел костер на прежнем месте. Набрал веток и устроил лежку. Домна сняла с лошадей седла и груз, спутала ноги и пустила на траву.

Я смотрел в небо. Сон не шел. Что сделано, того не воротишь. Да и не надо. Но вот ощущение, что меня втягивают в чужую оперативную игру, уверенное. И не я веду в этой игре, а меня. Стала просматриваться общая картина.

Что это начальнику полиции за медицинской помощью самому бежать к неизвестно кому, да еще и уговаривать? Теперь то понятно, что у него все варианты беспроектные. Если бы братец погиб, то вот он – террорист, повстанец, якобинец или как еще у них называется. Он и виноват во всем. Даже если и не тот самый, все равно комбинация будет в плюс. Уморил государственного мужа. А если тот? Приметы, хотя бы голоса, сообщили. Молодой, образованный, не местный. Сеть осведомителей меня вычислит быстро, если в лесу не сидеть. А поймал – молодец. Его враг в Мереславской губернии упустил, хоть и войсковую операцию затеял. А он вот – смог.

А если вылечит, еще лучше. Получается, сам лично лекаря-спасителя добыл, уговорил и все проконтролировал. Братец оценит. Раз Иннокентий Семенович взлетел, значит, соображает лучше. Связи у семьи одинаковые. Сейчас и брата потащит.

И отпускать меня просто так нельзя. Пригожусь еще раз. Поэтому устроил шоу – благословение блудного сына. А я не отказался. И попался. Он знает, что я не его сын. А я согласился, значит, мне важна легализация, тем более, такая лакомая – во дворянство. С одной стороны, буду на контроле, с другой – он дело доброе сделал, оплатил за спасение сполна и чем мог. Да еще как – сторицей. Доктор наверняка по мне развернутую справку выдал. Но ведь хороший человек? Хороший. Считает, что правильно поступает. И мне на благо. Меня сочли полезным и тащат в свою круговую поруку.

Такое ничем не победить, не разрубить. Только революция смогла порвать. Чтобы создать уже свое такое же, в худшем варианте, из худших и других людей.

А как мне использовать ситуацию? Надо подумать. У него враги в Мереславле, которые его подставили. Это и будем использовать. Алена все глаза проглядела. Встречала каждый день

за версту. И тут мы такие красавцы с лошадьми и грузом. Девушка моя сразу лошадку себе выбрала, оседлала и галопом до кустов. Вернулась, ноги в новых сапожках стремя упирают, пряменькая, сверху смотрит, как амазонка.

«Да хороша, хороша», – люблюсь ей.

– А ты, поди, там барыням глазки строил да ручки лобызал?

– Глазки не строил, это мне строили. А что ручки целовал, так тут правила такие.

Она, как куница, скользнула с лошади и обняла меня.

– Знаешь, как одной в лесу без тебя плохо. Хоть с лучшим разговаривай. Рассказывай все, как есть.

Я рассказываю, а Домна дополняет, чтоб не стеснялся чего. И с ее дополнениями я такой герой получился, что хоть сказку складывай.

Потом дошел до места, когда меня на встречу с отцом возили. Тетке тоже обещал потом рассказать. А вот тут они обе задумались.

– Нечисто дело, – резюмировала знахарка.

– Знамо, нечисто. Люди по пять тысяч кладут, чтоб из неволи откупиться. А тут тебе и десять тысяч и дворянство с поместьем. Такое даже купцам не дают, уж на что денег полон карман, – сидит на скамейке Алена, ноги поджав под себя, колени руками охватив, – так я теперь буду дворянкой? Госпожа Зарайская? Под таким именем в острог и определяют. Да и ладно.

– Мне самому не понятно, но я разберусь. Имение там маленькое, крестьян тридцать душ. Одна деревенька, да еще хуторок из двух домов. Стрельниково и Окатово. И долгов на тридцать тысяч.

– Много, но это ничего, – утешила Домна, – если с умом, так быстро вернешь.

– У тебя мысли есть?

– Завтра с елизаровскими повстречаемся, там и посмотрим. Утром мы двинулись к болоту на встречу с родственниками разбойниками. Алена с нами. Причем на своей лошади и в обновках. Чтоб удобней ездить, надела порты, а подол сарафана узлом завязала. И платок повязала, как бондану. Прямо прекрасная разбойница.

Она уехала вперед проводить разведку. А мы идем пешком. К обеду добрались. Нас ждет целая делегация. Есть деды седобородые, но главный – крепкий высокий мужик лет сорока. Роба с тремя шрамами от брови до шеи. Борода русая, короткая. Самый разбойничий вид. А глаза уставшие и безнадежно смотрящие.

– Ну здравствуй, барин, – протянул он руку, – вот как получилось то. Ловили тебя, а поймали нас.

– Ты меня не виновать. Тебе Алена кем приходится?

– Племянница. Троюродная.

– А самого как звать?

– Егором крестили.

– Так чтож ты, Егор, ее выручить не сподобился?

– Не успели бы. Вы рядом, а мы где? Но потом бы отомстили.

– Глотку бы перегрыз, – вскинулся парень моего возраста, плечистый, с соломенными волосами.

– Это что за заступник?

– Петыша. Брат ее троюродный, сынок мой. Дружили они с детства.

– Молодец Петыша. А отомстить еще повод будет. Выкуп они мне не отдали, а полицию и казаков позвали. Должны теперь еще больше. Но это после.

Алена подошла, взяла за рукав Петю и увела в сторону. А я продолжил:

– Я понимаю, что вы хотите. Но на каких условиях вы там будете. И я?

– Так если ты на Алене женишься, то сродник нам будешь. Васютка говорил, что опасаешься, как бы не подвинули, безобразничать не начали. Это зря. У нас понимание родства свое. Без поруки нам никак.

– Я ему скажу, – вступила Домна, – он не отсюда, хоть и по-русски говорит. А многих понятий и не слыхивал. Слушай, Андрей, это кто ближе к закону да силе может на него надеяться и своих позабыть. А нам так никак нельзя. Какой бы сродник, кровинка не был, его вперед тянешь. Если отступник да предатель, то такого гонят прочь на веки вечные.

Это получается вроде кавказских кланов? А что – разбоем живут, друг за дружку держаться крепко. Никакие силы не изменяют этого. У меня тут рудимент русского рода, хоть и живущего... Как? Независимо от государства? Типа чеченского тейпа. Будут силовым блоком.

– Ты у них глава или старейшина. А я кто буду?

– Барином и будешь. Только сродником. Без всяких крепостей. А мы тебе пособим, как своему. Если что надо.

– Буду. Но только с условием, чтоб без моего ведома никаких действий. А в Костромской губернии и вовсе тишина. До особых указаний.

– Нечто с нами на дело пойдешь? – усмехнулся Егор.

– Либо принимаешь, либо нет. Если вы сами по себе, то приют я вам дам на время, но потом не взыщи.

– Раз уж Алена к тебе пошла, значит связаны и мы с тобой. Согласны под твое начало.

– И много вас?

Не поворачиваясь, Егор свистнул. Из березняка выехали и показались люди. Я осмотрел новую родню. Десять боеспособных мужчин, включая самого Егора и Петьшу. Три деда с посохами и палками, но глядят сурово. Видно, что жизнь не сломила. Две бабушки, восемь женщин разного возраста. Две чуть старше Алены. И Двадцать один ребенок от грудничков, которых я насчитал четверо, до подростков. Причем, подростки вместе держались. Девчонки жались к ребятам, а те их ободряли: «Не пужайся. Если что, убедем». Петя у них вроде старшего. Все светловолосые, даже беловолосые, как беленый лен.

Теперь понятно, чего Егор грустный. С таким багажом много не навоюешь.

– Дорогие родственники, – громко сказал я, – добро пожаловать к нам на хутор. Это временно. И хорошо, что летом ваше бегство случилось. Моя невеста с тещей займутся размещением.

А с мужчинами я устроил совещание. Первым делом выяснил, какое оружие имеется. Кроме топоров, кистеней, ножей и трех пашек, нашлись четыре фузеи и два пистолета. Пороху и пуль мало. Извели на охоту, а купить не смогли.

Потом я оставил только Егора, Петьшу и самого сурового деда Филата.

– Есть люди надежные в Мереславле?

– Как не быть. Всем жить надо.

– Можешь собрать сведения, как деньги перевозятся? И куда?

– Что их собирать? Известно. Почтовыми каретами. Только к ним конвой прилагается из казаков или улан. Человек по десять, самое малое. А и тридцать бывает, если много везут.

– Пусть прилагается. Вы подумайте. Вечером обсудим.

– Ишь, дела, – поднял бровь суровый дед.

– Дела будут, дедушка Филат. И сразу подумайте, где взять форму солдатскую и офицерскую. Тех полков, которые конвои отряжают. И другую, тех, которые в Москве стоят.

– Это можно, – ответил Егор, а в глазах уже чертики прыгают.

– Петя, отбери ребят побойчей, да и девчонок тоже. Учить их будем.

Петьша очень важный, солидно кивнул и пошел к ребятам. Уже поздно вечером, когда устроились кое-как – кто в избе или дворе, а кто и около костра, мы сели кружком с мужчинами обсудить дальнейшее житье-бытье.

– Я так думаю, если ты собрался карету взять, – начал Егор, – то шуму будет на всю губернию. И ребят наших положат, хорошо если не всех. Если ты решишь, то как и обещались, подсобим. Но сам думай.

– Никакого желания у меня нет родственников терять, – я улыбаюсь, – не стоит кровушка, а тем более жизнь наша, тех денег. Поэтому и прошу информацию.

– Это что?

– Сведения.

– Будут. Только с одежей как? Деньги нужны, а мы поиздержались.

От всего имущества у беглецов остались только две лошади. Стадо деревенское все пошло солдатикам на прокорм, и лошади в трофеи. Деньги, наверняка, были, но когда брать неоткуда, тают быстро.

– Это понятно, – я вытащил из-за пазухи ворох бумажек разного достоинства, – здесь тысяча должна быть. Это на прокорм и добычу разведанных.

– Сведений?

– Ага. Не тратьте особо. Мало ли чего.

– Это с пониманием.

– И еще, век в лесу не просидишь. Придут рано или поздно. Если у меня сложится с деревушкой, пойдем в Костромскую область и оттуда действовать будем.

Оказалось, что про все мои приключения в Сулице они прекрасно осведомлены. Снова появилось чувство, что я один чего-то не знаю. А все остальные перемигиваются, а мне сообщают последнему и как бы между делом.

– Давайте так. Я должен знать всю информацию. Со слухами и мнениями.

– Так мы не скрываем. Спроси только.

– Нет, спрашивать я не буду. Чего пронюхали, тащите в клювике. Если доверяете. А нет, так и суда нет. Все будет понятно.

Егор очень грамотно изложил оперативную обстановку в Костромской губернии и Сулицеском уезде в частности. В той губернии тоже есть разбойники, но они шалят по купцам, что пушнину собирают в глухих местах. Только они из беглых крестьян и уголовников. Совершенно отмороженные, убивают всех, кто попадетсЯ. На разговор не идут. К себе принимают кого, так сразу кровью вяжут, причем, невинной – надо убить просто так. По жребии кому девка, кому дите достанется. В самом Сулежском уезде их нет. Орудуют на севере. Окрестные деревни обложили данью – еда и бабы. Начальство губернское иногда проводит рейды, но безуспешно.

И появилась у меня задумка.

Глава 6

Утро наполнилось детскими голосами и Аленкиными командами. Женщины ее побаиваются. Видел я, как уже пожилая тетенька просила: «Матушка, дай и мне дело какое», и умильно так смотрела. Невеста моя не смущалась таким обстоятельством ни капли. Всем нашла занятие. Мужики ушли на охоту и разведку указанных Аленой мест. Дети огребли от Пети за то, что в родниковой купели баловались. На короткое время установился порядок. Минут на десять. А потом опять шум и гам.

Я вышел на разминку. Процессия детей с криками тащила на рогатках огромную черную гадюку. Та еще жива и раскрыла рот, но не шипела. Мне показалось, орала «помогите». Только я двинулся заступаться за животину, как наперерез бросилась Домна. «Ах вы, ироды окаянные, спасу от вас нет». Змея была спасена и со скоростью бегущего человека и треском скрылась в березняке. К обеду мужики пришли с добычей – загнали лося, и теперь хутор напоминал разбойничий лагерь. На кострах в котлах сварилось мясо. Все дружно собрались и расселись кружками. Кто-то из молодежи прочитал молитву, дед Филат перекрестил котлы, и народ приступил к трапезе. Очевидно, досыта поесть многим удалось только сейчас. Откинувшись на траву, народ спал, прикрывшись, кто чем, от солнца. Вечером я решил взять ситуацию в свои руки. Подростков отправил на рыбалку. В маленьких озерках водились караси, окуни и щуки. Сейчас на ужин пожарили рыбы и преподнесли мне особо. Девушка моя подсела под бок. Я при всех обнял ее и поцеловал в щеку. Поели вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.